

И. Н. Горелов

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ

URSS

И. Н. Горелов

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. Н. Ярцева

Предисловие
доктора филологических наук, профессора
В. И. Карасика

Издание четвертое

URSS
МОСКВА

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук М. М. Гухман;

д-р филол. наук С. Д. Кацнельсон;

д-р филол. наук А. А. Уфимцева;

д-р филол. наук В. П. Нерознак (ответственный секретарь)

Горелов Илья Наумович

Невербальные компоненты коммуникации / Отв. ред. В. Н. Ярцева;
Предисл. В. И. Карасика. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2009. — 112 с.

Настоящая книга представляет собой психолингвистическое исследование проблемы взаимосвязи языка (речи) и мышления. Рассматриваются различные гипотезы о происхождении языка, широко обсуждаются различные аспекты проблемы внутренней речи, приводится ряд экспериментальных данных относительно невербальных компонентов коммуникации. Рассматривая в сопоставлении онтогенез речи, процессы порождения высказывания и речевые патологии, автор предпринимает попытку экстраполяции тезиса «от смысла к слову» на онтогенез и на языковой филогенез.

Рекомендуется лингвистам, психологам, философам, а также всем, кто интересуется проблемами коммуникации.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 7. Зак. № 2426.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–00746–7

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ (<i>Карасик В.И.</i>) . . .	2
ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава I	
ПАРАЛИНГВИСТИКА: ПРИКЛАДНОЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	7
Глава II	
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ («ПРЕВЕРБИТУМ») . . .	26
Глава III	
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТЕКСТА	64
Глава IV	
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ РЕЦЕПЦИИ ТЕКСТА	84
О ПРИНЦИПЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ (вместо заключения)	100

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книга профессора Ильи Наумовича Горелова «Невербальные компоненты коммуникации» по праву считается одним из классических трудов по психолингвистике. В этой небольшой по объему, но очень содержательной монографии обсуждаются фундаментальные вопросы общей теории языка — сущность знакового поведения человека, роль невербального компонента в мышлении и общении, природа образования и восприятия речи.

Автор убедительно доказывает тезисы о взаимодополнительности вербального и невербального компонентов в общении, о невербальности мыслительного процесса, об определенном сходстве между порождением текста и онтогенетическим развитием речи, о челночном характере осмысления воспринимаемого текста. Эти положения носят методологический характер для языкознания, психологии и всего комплекса наук о человеке.

Книга состоит из четырех глав. В первой главе рассматриваются проблемы паралингвистики. Автор приводит веские аргументы в пользу того, что паралингвистические знаки — жесты, мимика, взгляды, молчание — представляют собой необходимый этап в развитии знакового поведения человека. Система этих знаков сохранилась, по мнению И. Н. Горелова, в своих универсальных проявлениях без изменений и представляет собой «внешнюю моторику функционального базиса речи». Именно на этом уровне образуются протопонятия, вырастающие в результате обобщения наглядных образов. Вторая сигнальная система накладывается на более древнюю первую сигнальную систему, не подменяя ее, а органически сплетаясь с ней.

В понимании И. Н. Горелова невербальные компоненты коммуникации не сводятся только к средствам несловесной коммуникации в речевом акте, но включают и несловесные элементы, принимающие участие в кодовых переходах в процессах порождения и рецепции речи. Таким образом, понятие «невербальная коммуникация» оказывается шире, чем понятие «паралингвистическое общение».

Во второй главе последовательно проводится мысль о том, что этап оформления смысла не обязательно включает вербализацию. Или в более категоричной формулировке: собственно мыслительный процесс носит невербальный характер. Речевая деятельность также включает невербальный компонент в качестве своего постоянного основания. На невербальном уровне обеспечивается мотивация, формируется этап интенции, производится оценка ситуативных условий общения.

Правильно построенные, отредактированные высказывания обычно рассматриваются в качестве речевой нормы. С позиций

традиционной риторики это, конечно же, справедливо. С позиций психолингвистики и теории разговорной речи такие «дистиллированные» высказывания являются лишь одним из возможных типов построения текста. И. Н. Горелов анализирует в третьей главе книги нарушения «правильно» составленного текста, обусловленные самым ходом процесса вербализации, и выделяет четыре типа таких нарушений: нарушения в связи с поиском формы, исправление содержания реплики, отклонения от содержания, невербальная замена вербального компонента. Автор справедливо полагает, что нормативный текст является вторичным образованием, результатом своеобразной микродиахронии. Следовательно, признаки якобы неправильной речи (оговорки, содержательные сбои, замечания к стати и попутно, жесты или мимические движения вместо слов) являются сигналами первичного текстообразования, диалектичного по своей природе, ситуативно обусловленного и предельно гибкого.

В книге приводятся интересные экспериментальные данные о том, что в ситуациях устного общения число случаев предварительного выраженного невербального компонента существенно превосходит число одновременного выражения вербального и невербального компонентов коммуникации. Иначе говоря, мы прибегаем к вербальному тексту тогда, когда невербального общения недостаточно.

В четвертой главе идет речь о невербальном компоненте в процессе рецепции текста. Здесь читатель найдет нетривиальное развитие разработанного в психологии понятия «установка» применительно к восприятию и пониманию речи. Автор подчеркивает, что формирование такой установки определяется многократным сопереживанием ситуации, а реализация установки осуществляется подсознательно еще до появления стимула. Понимание текста (и речи в целом) трактуется в книге как челночный процесс: «от элементов формы — к содержательной интерпретации, к выдвижению гипотезы относительно формы и содержания, к поиску (упреждающему) на уровне формы и содержания, причем не всегда синхронизированному; затем, по мере наполнения содержательной информации, через снятие формальной и содержательной избыточности — к конструированию смысла, опирающегося на дальнейшие результаты декодирования формы». Эта модель представляет собой в формульном виде психолингвистическую эвристику понимания текста.

Книга И. Н. Горелова созвучна по своим идеям новейшим работам в области психолингвистики, прагмалингвистики, теории дискурса. Эта книга относится к числу тех произведений, после прочтения которых хочется немедленно продолжить диалог с автором — большим ученым, интересным собеседником и талантливым человеком.

В. И. Карасик

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Во всяком случае, невозможно понять, что такое язык и как он развивается, если не исходить постоянно и прежде всего из процессов говорения и слушания»¹.

Предпосылаемые в качестве эпиграфа слова — свидетельство (датированное 1924-м годом) достаточно давнего существования подхода, развившегося в современную теорию речевой деятельности. Сегодня, пятьдесят лет спустя, то, из чего предлагал «исходить» О. Есперсен, еще ждет своего объяснения: слишком сложен объект описания, слишком различными гранями предстал он в самых разнообразных сферах познания, превратив их в смежные. О. Есперсен, отмечавший с некоторой досадой, что «в прежние времена эти процессы оставались незамеченными»,² явно не предполагал, хотя и был современником Ф. де Соссюра, что вскоре возникнет мощное и влиятельное научно-лингвистическое течение, в русле которого станет как бы и неприличным замечать эти процессы: «имманентная лингвистика» решила обойтись своими средствами. Критика этих средств, впрочем, не является нашей специальной задачей.

Цель предлагаемой работы достаточно узка — рассмотрение невербальных компонентов коммуникации, однако не в отрыве от ее вербальной части, а во взаимодействии составляющих. Таким образом, мы заранее отказываемся от методов «имманентной экстралингвистики», которые возникли, возможно, как реакция на вызов лингвистики, пожелавшей сохранить себя в полной «чистоте».

Наши исходные данные явно богаче и точнее тех, которыми мог располагать О. Есперсен: среди них — достижения советской (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев) и зарубежной (Д. Слобин, Т. Слама-Казаку и др.) психолингвистических школ. Бихейвиористские представления, сводившие коммуника-

¹ Есперсен О. *Философия грамматики*. М., 1958, с. 15.

² Там же, с. 15. Изд.3. М.: КомКнига/URSS, 2006.

тивный акт к механической и крайне обедненной схеме «стимул—реакция», давно преодолены.

Мы можем оттолкнуться в рассмотрении избранной проблематики от гораздо более достоверной схемы Э. П. Шубина, согласно которой «молекула языковой коммуникации»³ (т. е. коммуникативный акт) содержит следующие компоненты:

1. «Коммуникатор трансмиссии», где «коммуникатор» — «сумма психофизиологических характеристик, обеспечивающих возможность участия в языковой коммуникации на определенном языке» (личность, обладающая соответствующим «коммуникатором», называется Э. П. Шубиным либо «трансмиссором» (передающим сообщение), либо «реципиентом» (принимающим сообщение)).

2. «Деятельность коммуникаторов», т. е. «трансмиссивная деятельность» («трансмиссора») и «рецептивная деятельность» («реципиента»).

3. «Знаковый продукт» (т. е. сообщение). Если отвлечься от двух первых компонентов в пользу единственного третьего — «знакового продукта» (текста сообщения), то это и будет означать игнорирование «процессов говорения и слушания», т. е. ограничение объекта описания в духе «имманентной лингвистики», как, впрочем, и в духе многих лингвистов «пре-» и «постимманентного» периодов. Но дело в том, что, как неоднократно будет показано ниже, такое отвлечение делает практически невозможным не только понимание, «что такое язык и как он развивается», но и описание любого частного «знакового продукта», представленного в естественном коммуникативном акте: без «выхода из текста» невозможно добиться адекватности описания его семантики; «текст» всегда имеет смысл только в связи с «нетекстом». Однако «выход из текста» может привести и к полному отрыву от объекта лингвистического описания. Нашей же задачей является рассмотрение хотя и невербальных, но паралингвистических явлений, т. е. таких, которые всегда присутствуют в речевой коммуникации, например, «отпечатывааясь (по выражению Э. П. Шубина. — И. Г.) в знаковом продукте» как «многие черты личности трансмиссора»⁴. Ниже будет показано, что паралингвистические явления выполняют отнюдь не только указанную функцию; если

³ Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972, с. 14—22.

⁴ Там же, с. 21.

«в подавляющем большинстве актов языковой коммуникации трансмиссор не имеет ни малейшего понятия о передаваемой им паралингвистической информации» (в указанном выше смысле. — *И. Г.*) и если к тому же «она не улавливается реципиентом или игнорируется им как несущественная»⁵, то мы имеем дело скорее не с паралингвистической информацией, а с «пейнтентальной симптоматикой»⁶, которая обнаруживается в поведении животных и в знаковой иерархии занимает место ниже «сигналов». При такой специфике явлений мы бы здесь ими не занимались.

Предлагаясь работа рассматривает лишь такие невербальные (паралингвистические) компоненты знакового продукта, которые либо сознательно (в той же мере, в какой сознательно используются вербальные компоненты) вводятся «трансмиссором» в коммуникацию, либо сознательно воспринимаются реципиентом, либо находятся в сфере сознания и «на выходе», и «на входе». Кроме того, будучи подлинно паралингвистическими, эти компоненты существенно воздействуют на форму и смысл вербального компонента, а поэтому (и только поэтому) могут стать объектами описания в рамках теории речевой деятельности, отрасли общего языкознания.

Теория речевой деятельности не может проходить мимо латентных процессов, действующих в «устройствах, предназначенных для преобразования мысли в языковое сообщение (при порождении речи. — *И. Г.*) и языкового сообщения в мысль (при рецепции речи. — *И. Г.*)»⁷.

Оперативными и конструктивными элементами указанных латентных процессов являются также невербальные компоненты, однако совершенно иного (по сравнению с таковыми в знаковом продукте) типа. В той мере, в какой эти процессы выявляются в паралингвистических средствах коммуникации и — через них — в знаковом продукте, они также будут нами рассмотрены.

⁵ Там же.

⁶ *How animals communicate*. Ed. T. A. Sebeok. Bloomington & London, 1977, p. 1064.

⁷ *Шубин Э. П.* Указ. соч., с. 20 — На с. 19 автор пишет, избавляя нас от дальнейших пояснений относительно значимости такого рода «данных о коммуникаторах, которые могут быть в настоящее время получены косвенным образом — путем наблюдений над коммуникативной деятельностью и постановкой специальных экспериментов для проверки тех или иных гипотез».

Глава I

ПАРАЛИНГВИСТИКА: ПРИКЛАДНОЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

«Каждому слову и каждому предложению в нашей современной речи может быть подобран лингвистический эквивалент — будь то слово, фраза, обширный текст или паралингвистический знак»¹. Цитированное суждение — одно из тех «каждых предложений», которым не может быть подобран паралингвистический знак в качестве эквивалента: ни фонация, ни мимическое или пантомимическое, ни комплексное (фонационно-пантомимическое) образование не может стать эквивалентом сформулированной мысли Б. Ф. Поршнева. Думается, что нет необходимости прибегать к экспериментальному доказательству правильности нашей точки зрения: она основана на «ясно-мутном знании» (по Гумбольдту) того, что мы назовем «опытом коммуникации». Этот же опыт подсказывает, что возможности паралингвистического знака ограничены, как, скажем, ограничены и возможности знака лингвистического. Мы не указываем при этом на степень ограниченности (ни на абсолютную, ни на относительную), а просто констатируем то, что предстоит — если удастся — показать.

Обратимся вначале к умозрительным заключениям. Ограниченные возможности знака естественного языка подтверждаются знанием того, что, во-первых, цивилизованные общества постоянно разрабатывают в целях научного познания разнообразнейшие подъязыки наук; в данном случае нас не интересует, первичны или вторичны они относительно естественного языка, переводимы ли они на естественный язык или нет: возникновение символических систем современной математики или химии объясняется вполне определенными преимуществами послед-

¹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974, с. 474.

них перед системой естественного языка, иначе в них не было бы нужды. Во-вторых, как показывают процесс литературного творчества и данные самоанализа, «мысль изреченная есть ложь». Ф. Тютчев имел в виду, несомненно, несоответствие между богатством оттенков конкретного восприятия или представления, с одной стороны, и возможностями вербального выражения — с другой. В-третьих, сфера изобразительного искусства, искусство музыки или балетной пластики — все эти сферы, рассматриваемые, кстати, как особые формы познания и отражения (и выражения) действительности, обслуживаются своими собственными, только им присущими семиотическими системами, причем авторски индивидуализированными.

Как известно, ни музыкальное произведение, ни художественное полотно, ни пластический рисунок балерины не могут быть принципиально переведены в код естественного языка: искусствоведческие тексты — при всей их специфичности и явной «подъязыковости» — ни в какой мере не заменяют непосредственного восприятия самого произведения искусства.

Паралингвистический знак интуитивно (на основе «опыта коммуникации») представляется более ограниченным, чем знак лингвистический, если иметь в виду денотаты, являющиеся конструктами абстрактного (в достаточной степени) мышления. Д. И. Рамишвили склонна, как и многие другие исследователи, считать, что «язык жестов не может выразить даже такие простые, но не носящие конкретный характер, содержания, которые обозначаются словами *пока, только, кроме, еще, когда* и т. п.». И далее: «Глобальный характер... жестов, невозможность создания словоформ... отсутствие в нем действительной грамматической структуры исключают условия, необходимые для языка как средства общения»². Итак, с одной стороны, «глобальный характер» паралингвистического знака, а с другой — его неспособность обозначать «простые, но не носящие конкретный характер, содержания». Нет ли здесь противоречия? Обратимся к фактам, достоверно, по-видимому, описанным Н. Н. Миклухо-Маклаем:

² Рамишвили Д. И. Неприемлемость теории первичности языка жестов. — В кн.: Вопросы психологии мышления и речи. Тбилиси, 1957; см. также: Она же. К природе некоторых видов выразительных движений Тбилиси, 1976.

«Между тем приходил мой доброжелатель Туи и своей выразительной мимикой старался объяснить, что когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя)»³.

Мы не случайно подчеркнули слово *когда*, взятое Д. И. Рамишвили в качестве знака, который не может быть передан с помощью жеста.

Н. Н. Миклухо-Маклай мог бы интерпретировать пантомиму Туя в данном случае не с помощью слова *когда*, а с помощью *если*, или *после того, как*. С таким же успехом в интерпретации (т. е. в «переводе» на русский язык) соответствующих пантомимических эпизодов могли бы использоваться *еще* или *не только, но и* («убьют не только меня, но еще и Ульсона и Боя»). Аргументация Д. И. Рамишвили не может быть принята, на наш взгляд, так как она сопоставляет изолированное слово с мыслимым (но также изолированным) жестом, тогда как в реальной ситуации общения, описанной выше, пантомима обозначала цепь событий в их логической и временной связи. Соотношение элементов пантомимы и сама последовательность их манифестаций отражает абстрактные понятия отношений. Далеко не во всех языках (тем более — не во всех языках идентично или просто близко) есть то, что наш оппонент называет «словоформа», или «тот элемент ряда», которым он оперирует.

Поэтому неоднократно отмечающийся в различных работах «аграмматизм» паралингвистического знака, будучи, вообще говоря, верной констатацией, не лишает последний возможностей для выполнения любой из определяемых языкознанием функций естественного языко-

³ Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия на берег Маклая. М., 1956, с. 18—19.

вого знака. Проиллюстрируем это наше утверждение примерами.

1. Социативная (контактоустанавливающая) функция.

«... а затем я понял, что мой собеседник хочет сказать что-то еще. И он действительно, принес лампу, не ушел сразу, а сел на стул и начал им поскрипывать, чтоб я проснулся, потому что хотел спросить нечто. И спросил он меня, зачем я приехал»⁴.

2. Эмотивная функция.

«— Ну, как международная обстановка? — полюбопытствовал Митенька Малышня, растапливавший печку.

Лихачев грохнул дверью»⁵.

3. Волюнтаривная функция.

«Адмирал снисходительным, но повелевающим взором пресек готовую было сорваться, готовую бесноваться у его ног восторженную бурю»⁶.

4. Коммуникативная функция.

• «— Это вы выменяли свои комнаты на Мытной? Надя кивнула.

— А тут однокомнатная? Надя кивнула»⁷.

5. Апеллятивная функция.

«... Сильвио, со всеми прощаясь, взял меня за руку и остановил в ту самую минуту, как собирался я выйти»⁸.

6. Репрезентативная функция.

«Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего истерия. Пробегая письмо, глаза его сверкали»⁹.

Авербальные действия (поскрипывание стулом, громыхание дверью, кивок, взгляд, жест и пр.), как мы видели в первых пяти примерах, включены в коммуникативный акт, полностью замещая вербальный стимул или вербальную реакцию. В шестом примере произвольная эмоциональная реакция на письмо однозначно истолкована («с видом величайшего истерия»), как и возможная в этом случае вербальная реакция; поэтому

⁴ Мартынов Л. Воздушные фрегаты. М., 1974, с. 179.

⁵ Абрамов Ф. Пряслины. М., с. 40.

⁶ Малышкин А. Соч. в 2-х томах, т. 1. М., 1965, с. 260.

⁷ Трифонов Ю. Рассказы и повести. М., 1971, с. 33.

⁸ Пушкин А. С. Сочинения. М., 1949, с. 507.

⁹ Пушкин А. С. Указ. соч., с. 507.

мы и приписали данному паралингвистическому знаку репрезентативную функцию¹⁰.

Рассмотрим возможности паралингвистического знака в рамках его взаимодействия с такими же или иными знаками, составляющими диалогическую речь. Обозначив через «С» — реплику — стимул, через «Р» — реплику — реакцию, лингвистический знак — через индекс «л», а паралингвистический — через индекс «п», комплексный знак — через «л+п», мы можем предложить гипотетический ряд бинарных комбинаций, один член которых представляет собой либо паралингвистический знак, либо указанный комплекс с паралингвистическим компонентом (ПК). Бином $C_x - R_x$ из ряда исключается как не соответствующий объекту рассмотрения. Оговоримся, что бинарная схема избрана лишь для упрощения, так как в нашем распоряжении имеется достаточное количество случаев, в которых реплика-реакция является одновременно и стимулом для последующей реакции. В дальнейшем такая реплика (при специальном рассмотрении) будет обозначена через «Р/С». Предлагается ряд:

$$\begin{array}{ll} C_x - R_{л+п} & C_{л+п} - R_{п} \\ C_{п} - R_{п} & C_{п} - R_x \\ C_{л+п} - R_x & C_{п} - R_{л+п} \\ C_{л+п} - R_{л+п} & C_{л+п} - R_{п} \end{array}$$

В этом ряду можно заметить попеременное (то в «С», то в «Р») повышение удельного веса паралингвистического компонента в реплике; замыкает ряд бином, указывающий на возможность, при которой «фактически разрушается словесная коммуникация»¹¹.

Для того чтобы выяснить действительные возможности ПК в тексте художественной литературы (а мы исходим из допущения, что эти тексты отчасти могут рассматриваться в качестве моделей реального диалога), было принято обследование около 5000 строк диалогических отрезков, 1200 из которых сопровождалось авторскими ремарками, заменяющими ПК. Предлагаемая таблица иллюстрирует полную реальность ранее представленного гипотетического ряда. Знакомые нам бинарные комбинации размещаются в порядке убывания частотности.

¹⁰ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 507—508. Изд. 4. КомКнига/URSS, 2007.

¹¹ Колшанский Г. В. Паралингвистика. М., 1974, с. 7. Изд. 3. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.

Представляется, что данная таблица указывает на реальные возможности ПК, во-первых, дополнять лингвистическую информацию, во-вторых, замещать лингвистический знак, «разрушая» тем самым «словесную коммуникацию», как показал Г. В. Колшанский. Мы не случайно обошли стороной вопрос о возможности ПК сопровождать вербальный компонент, хотя можно констатировать множество ПК, значение которых истолковывается как дубликаты вербальных компонентов. Например, в тексте «Нечто заставило обоих оборвать слова, прислушаться. За бортом пронесся неясный гул... Опанасенко, тревожно вертя головой, пятился к двери: — *Шо это?*»¹² паралингвистический знак *тревожно вертя головой* в сочетании с действием *пятился к двери* представляется, на первый взгляд, избыточным элементом, сопровождающим вербальную часть *Шо это?*, тем более, что в данном контексте обязательна интонационная акцентуация, не обозначенная автором. И, наоборот, вербальная часть представляется факультативной при наличии ПК и общей реакции на *неясный гул*.

Вот еще один пример: «Ну, ну, — заторопился Афонька, махая успокоительно ладонью, — будет, будет!»¹³. И здесь, по-видимому, ПК и вербальная часть дублируют друг друга в плане содержания («успокоительная» интонация и «успокоительный» жест), тем более, что в контексте сами вербальные единицы (*ну, ну* и *будет, будет*) без авторской ремарки также воспринимались бы в значении «успокоения». Но, если мы признаем «функцию сопровождения», то тем самым мы опровергнем известное положение, согласно которому ПК есть средство снятия избыточности: «... Возможная избыточность языка при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания в естественных условиях снимается по разным причинам путем элиминирования чисто языковых средств и одновременного включения в коммуникацию экстралингвистических средств, подкрепляющих абсолютную однозначность конкретного речевого акта»¹⁴. И далее: «Можно поэтому говорить об „экономном“ построении речевого акта с использованием паралингвистических средств»¹⁵. Но дело-то в том, что,

¹² Мальшкин А. Указ. соч., с. 364.

¹³ Там же.

¹⁴ Колшанский Г. В. Указ. соч., с. 7.

¹⁵ Там же, с. 16.

Таблица 1

№ п/п	Бинарный тип с ПК	Пример употребления в тексте	Кол-во
1.	$C_{л+п} - P_{л+п}$	— Вы туда? — спросил Козырев, кивнув на прокурорскую дверь. — А куда же еще! — с вызовом отозвалась рыжеволосая (Ю. Нагибин)	296
2.	$C_{л+п} - P_{л}$	— А тебе какое дело? — ответил Ленка высокомерно и его тонкие синеватые губы повела гримаса отвращения. — Просто интересно. . . (Ю. Нагибин)	201
3.	$C_{л} - P_{л+п}$	— А куда — на попутной? — Да! — Девушка засмеялась, как бы призывая смехом, что от Тютчева ничего не скроешь (В. Солоухин)	164
4.	$C_{п} - P_{л}$	Тяжкий вздох вырвался у меня помимо воли. Мишка оглянулся, потом, напустив спокойствие, ответил на мой вздох следующей фразой: — Ну, ничего, не горюй, как нибудь переживем (Ю. Нагибин).	135
5.	$C_{п} - P_{л+п}$	Мы чокнулись, я выпил до конца, он только пригубил. — Нельзя, — сказал он, перехватив мой взгляд.	120
6.	$C_{л+п} - P_{п}$	— Ладно, вставай, — сказал он, тронув Сашку костылем. Сашка замолк, неуклюже поднялся, подобрал ружье (Ю. Нагибин).	111
7.	$C_{л} - P_{п}$	— Что же нас держит? — Горин нахмурил густые брови и кивнул головой куда-то вправо (Ю. Нагибин)	92
8.	$C_{п} - P_{п}$	Барышня подняла голову и сделала знак молодому человеку. Он вспомнил, что от старой графини таили смерть ее ровесниц, и закусил себе губу (А. С. Пушкин)	82
			Всего 1200

если ПК вводятся для «подкрепления абсолютной однозначности конкретного речевого акта», то это уже не функция сопровождения, а функция подкрепления, т. е. дополнения; если же экономия вербальной части достигается через включение ПК, то в целом экономии не достигается, если считать, что «экономия» есть частный случай принципа экономии усилий, который, вообще говоря,

действует и в процессе коммуникации как одного из видов деятельности. Сопоставим в связи со сказанным два примера:

1. «Увидев нас, папа только сказал: — Погодите, сейчас. — И показал движением головы дверь, чтобы кто-нибудь из нас затворил ее»¹⁶.

Здесь кивок в сторону двери, несомненно, такой ПК, который экономит вербальную часть и, возможно, определенную нервную энергию, необходимую, чтобы прервать разговор с Яковом и словесно отдать соответствующее приказание. Сомнительно, однако, что кивок требует меньше физических усилий, чем произнесение краткой фразы.

2. «Лихачев крикнул в знак одобрения»¹⁷.

Данный ПК фонационного типа, по-видимому, экономнее эквивалентного высказывания. Можно, однако, показать ситуации, в которых замещение вербальной части с помощью ПК диктуется не подсознательным учетом возможности такой экономии (мы полагаем, что принцип экономии усилий и, в частности, всякого рода компрессии вербальных частей коммуникации реализуется подсознательно), а вполне осознанными и социально значимыми условиями коммуникации, например:

1. «— Что это у тебя за шляпа? — спросила Аглаида Васильевна, всматриваясь. Монахини переглянулись между собой и усмехнулись»¹⁸.

2. «— А вы воротились с дороги? Вы ездили за город? — Ездил, господа, за сорок верст ездил, а вы не знали? — Прокурор и Николай Парфенович переглянулись»¹⁹.

В первом случае монахини переглядываются, считая, что не вправе вмешиваться в разговор (различен социальный статус их и Аглаиды Васильевны). Во втором случае тактика допроса не позволяет преждевременного высказывания прокурору и Николаю Парфеновичу. Таким образом, следует говорить о полифункциональности ПК и о различной обусловленности их появления в коммуникативном акте. Последнее еще более сближает их с вербальными средствами коммуникации, выбор которых, как известно, является социально и ситуативно обусловленным.

¹⁶ Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М., 1973, с. 14.

¹⁷ Абрамов Ф. Указ. соч., с. 10.

¹⁸ Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. М., 1972, с. 267.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 1973, с. 483.

Вышеизложенное можно было бы дополнить подробным описанием того, каким образом ПК, разрушая вербальную часть коммуникации, приводят к образованию эллиптических конструкций, отличных от тех, которые «восполняются» за счет вербальной предшествующей реплики; есть материал, показывающий, что ПК может практически заменить любой член предложения²⁰. Предварительно рассмотрена и физическая природа ПК, причем показано, как ПК определенного физического типа соотносится с вербальной структурой — также определенной типологии²¹.

Отметим лишь, что имеющаяся литература по прикладной паралингвистике (т. е. исследования конкретных взаимодействий вербальных и авербальных компонентов в речевой деятельности) совершенно недостаточна.

Об этом свидетельствует и неоднократно упомянутая нами монография Г. В. Колшанского, содержащая наиболее полный, хотя, к сожалению, довольно беглый, ограниченный весьма скромным объемом книги, обзор имеющейся зарубежной и отечественной литературы. Тем не менее эта монография, как и статья Т. М. Николаевой и Б. А. Успенского, о которой ниже, позволяют, как нам кажется, затронуть некоторые фундаментальные проблемы, включая проблему генезиса естественного языка человека.

Попробуем приступить к рассмотрению некоторых аспектов этой проблематики.

Наиболее отчетливо, на наш взгляд, выдвигаются вопросы а) генезиса паралингвистического знака, б) генезиса лингвистического знака, рассматриваемого, естественно, в связи с генезисом первого объекта, в) функционирование ПК в синхроническом срезе.

Относительно в) высказываются, например, следующие соображения: «В принципе языковая система сама по себе всегда достаточна для того, чтобы внутренними средствами (т. е. «внутренними» по отношению к «внешним», например, паралингвистическим. — *И. Г.*) выразить

²⁰ Имеется в виду дипломная работа, выполненная под нашим руководством Н. М. Малышевой по теме: «Экстралингвистические условия порождения эллиптических конструкций современного немецкого языка» (МГПИ, 1974).

²¹ Горелов И. Н. О некоторых «неязыковых» характеристиках диалогических текстов. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 4, Горький, 1973, с. 41—48.

любое мыслительное содержание, включая чувства, волеизъявления и различного рода эмоции»²². «Язык функционирует в качестве полноценной коммуникативной системы, возникшей и развившейся как средство, структурно независимое от других форм общения... Все сопровождающие речевой акт формы общения, включая прежде всего паралингвистические, являются факультативными. Языковое общение без этих форм вполне возможно, как возможно и полное развертывание в чистую языковую форму любого коммуникативного акта»²³.

Прибегнем к способу доказательства *ad absurdum*: если сказанное выше верно, то почему а) факультативные и вспомогательные средства общения (ПК) регулярно сосуществуют с вербальными средствами; б) только письменная речь (нехудожественный текст) и «телефонная коммуникация» (если абстрагироваться от «красноречивых пауз», вполне значимых интонационных рисунков, а также своеобразных «параграфов», изобличающих, скажем, небрежность или манерность пишущего) свободны от ПК; в) «использование функциональных и кинетических форм сопровождения звуковой речи», которое «является простым следствием антропологического характера языка» и которое связано с «развитием ранее нечленораздельных форм общения в животном мире»²⁴, так стойко сохраняется не только на уровне индивида с бедным словарем, но и на уровне высокообразованного оратора или гениального актера; г) «...несмотря на самостоятельный характер структуры языка... полное (его. — И. Г.) изучение может быть достигнуто только при учете всех конкретных особенностей его функционирования, включая прежде всего использование паралингвистических средств»²⁵?

Думается, что все ответы на поставленные вопросы в пунктах а) — г) лежат за рамками аксиоматических по форме положений, процитированных ранее; последние нуждаются либо в дополнительном подтверждении, либо не допускают вообще «сосуществования» с предполагаемыми ответами, поставленными в порядке *ad absurdum*. Резюмируя предлагаемые сопоставления, приходится со-

²² Колшанский Г. В. Указ. соч., с. 7.

²³ Там же, с. 77.

²⁴ Там же, с. 78.

²⁵ Там же, с. 80.

гласиться с утверждением, что наличие ПК, способных дополнять и даже замещать лингвистический знак, не согласуется с исходным положением относительно универсальности и полной самостоятельности языковой системы во всех функциональных ее проявлениях, ибо «абстрагирующий характер языка потребовал совершенно новой структуры, но он не устранил тех примитивных биологических форм общения, которые были свойственны предкам»²⁶.

Это положение Г. В. Колшанского мы считаем чрезвычайно важным, правильным и единственным, способным снять противоречия, проиллюстрированные нами выше.

Признание того, что человек унаследовал паралингвистическую форму коммуникации, что «паралингвистические свойства языка... в принципе составляют неотъемлемую часть коммуникации», что они «являются биологически детерминированными»²⁷, есть одновременно признание эволюционистского подхода к проблеме генезиса лингвистического и паралингвистического знака и всей системы человеческой коммуникации в целом. Этот подход, правда, совершенно по-своему реализуемый, обнаруживает Б. Ф. Поршнев: «Недостаток, ограничивающий продвижение... научных усилий, состоит в том, что само явление речи рассматривается как некая константа, без попытки расчленить ее на разные уровни становления (особенно в филогенезе) и тем самым вне идеи развития. Между тем... вопрос не имеет решения, пока мы не выделим тот низший генетический функциональный этап второй сигнальной системы, который должен быть прямо выведен из общих биологических и физиологических основ высшей нервной деятельности»²⁸. Б. Ф. Поршнев, книгу которого мы здесь, конечно, не можем рассматривать более или менее подробно, одновременно не соглашается с тем, что современному уровню логического и абстрактного мышления предшествовал уровень чувственного и образного познания, не зависящего от речевой коммуникации, как полагал Б. Г. Ананьев²⁹ и другие психологи, как считают многие и сегодня, обращая внимание

²⁶ Там же, с. 78.

²⁷ Там же.

²⁸ Поршнев Б. Ф. Указ. соч., с. 124—125.

²⁹ Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М., 1960.

на необходимость исследований палеолингвистического³⁰ характера. По мнению Б. Ф. Поршнева, заслуга антрополога проф. В. В. Бунака и проф. Н. И. Жинкина состоит в обосновании тезиса, что между сигнализационной деятельностью всех известных нам высших животных до антропоидов включительно и всякой известной нам речевой деятельностью человека лежит эволюционный интервал — *hiatis*. «Но, — как пишет далее автор, — ни В. В. Бунак, ни Н. И. Жинкин не ограничились отнюдь констатацией такого рода», просто Б. Ф. Поршнев полагает, что гипотетические положения В. В. Бунака и Н. И. Жинкина, стремящиеся восполнить «зияние», «лишь возвращают к старому количественному эволюционизму»³¹.

Что предлагает Б. Ф. Поршнев? Он пишет: «Я излагаю альтернативный путь: углубление и расширение этого интервала настолько, чтобы между его краями уложилась целая система, противоположная обоим его краям и тем их связывающая»³². Предлагаемая система заслуживает, несомненно, очень серьезного и особого изучения, но мы склонны, познакомившись с ней основательно, обратить внимание все же на тот факт, что сама идея развития, которой следует Б. Ф. Поршнев, предполагает учет не только различий между уровнями, но и факт зарождения нового качества в старом. Авторы предисловия к книге, о которой сейчас идет речь, правильно отмечают: «Как это нередко бывает в научном творчестве, автор, увлекшись новой и чрезвычайно важной гипотезой, проявляет порой склонность к абсолютизации той или иной идеи, к превращению ее в исходную, решающую в понимании рассматриваемого круга вопросов. Такой абсолютизации подверглась в книге идея о речи — сознании в процессе происхождения человека»³³.

Справедливости ради необходимо отметить, что Б. Ф. Поршнев неоднократно сам «прорывает» ту систему связи, «противоположной обоим краям», которую он предложил, и признает факт накопления нового качества: «Долго, очень долго, — пишет он, — вторая сигнальная система была всего лишь таким фактором, управляющим некоторыми действиями, целыми цепями действий, втор-

³⁰ *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1960.

³¹ *Поршнев Б. Ф.* Указ. соч., с. 128—129.

³² Там же, с. 129.

³³ Там же, с. 5.

гаясь там и тут в поведение ранних людей... А неизменно позже она приобрела знаковую функцию, слова и системы слов стали нечто означать и значить, в том числе „заменять“ первосигнальные раздражители»³⁴. А ранее мы цитировали положение о том, что и внутри второй сигнальной системы Б. Ф. Поршнев предлагает выделить «низший генетический уровень», «прямо выводимый из общих биологических основ высшей нервной деятельности». Здесь, как нам кажется, и следует особенно четко поддержать Б. Ф. Поршнева; тем более, что имитативную деятельность, включая и эхологические компоненты, автор рассматривает — и это, на наш взгляд, единственно возможная гипотеза! — как «необходимую эволюционную предпосылку»³⁵ второй сигнальной системы, которой на этой стадии «еще не могло быть», как пишет сам Б. Ф. Поршнев. Невозможно только согласиться с таким крайним противопоставлением сигнала знаку, ибо, если изюбрь для уссурийского тигра — первосигнальный раздражитель одного порядка, то имитативный сигнал самого тигра (подражающего реву изюбря с целью приманки) для изюбря — сигнал более высокого порядка, как, скажем, тревожный крик сороки является также сигналом тревоги для других зверей: это тоже своеобразный «сигнал сигнала», так как ни изюбрь не воспринимает первосигнального раздражителя непосредственно, ни лиса или волк не воспринимают «очаг опасности» без опосредствующего сигнала сороки.

Мимические сигналы животных, имитирующие движения обезьян, призывающие другую особь или человека к определенному действию (например, к движению в желаемом направлении) — это, на наш взгляд, и есть эволюционный предшественник знакового поведения человека. Антропоиды и гоминиды не могли, живя в стаде или в первобытном сообществе, организуя сложные совместные действия, включая трудовые (вместе с изготовлением орудий труда), отказаться от механизмов сигнализации, которые уже имелись в среде их эволюционных предшественников. Система сигнализации, чем она примитивнее, тем и мотивированнее должна быть по форме, если она «рассчитана» на соответствующий уровень понимания адресата и если она является результатом дея-

³⁴ Там же, с. 414.

³⁵ Там же, с. 331.

тельности также соответствующего уровня. Конвенциональность формы сигнала или знака — результат гораздо более высокого уровня развития мышления по сравнению с сигналом мотивированным, т. е. таким, который воспроизводит означаемое в каких-то его признаках и только тем самым делает сигнал понятным для адресата. На уровне тревожного стрекотания сороки нет мотивированного знака: здесь непосредственная эмоциональная реакция в форме, присущей виду. Но ведь сорока и не адресует свой сигнал никому! Тигр же, «адресуясь» к своему «первосигнальному раздражителю» (изюбрю), прибегает к имитации, т. е. к мотивированному (не в человеческом, конечно, смысле) сигналу, так как опыт подсказал ему, что только этот сигнал приведет к цели. Уместно вспомнить, что «говорящие» птицы (и сорока в том числе) способны, как хорошо известно, к рефлекторному замыканию связи «сигнал — предмет», отчего, как писал Ф. Энгельс, «в пределах своего круга представлений он (попугай. — *И. Г.*) может научиться также и понимать то, что он говорит»³⁶. Естественно, оговорка «в пределах своего круга представлений» прямо указывает и на то, что попугай «понимает» то, что он произносит, не так, как человек; здесь не должно быть никаких «антропоморфических иллюзий», против которых так подчеркнуто восстает Б. Ф. Поршнев. Но ведь логично предположить, что с восхождением по эволюционной лестнице, вместе с расширением «круга представлений» расширяются и углубляются возможности понимания произнесенного. Во всяком случае, нет никаких исследований, опровергающих такое предположение, а, напротив, имеется богатейший материал, его подтверждающий.

Неадресованный эмоциональный сигнал, как мы знаем, становится для окружающих однозначным сигналом (на уровне животного). Следовательно, особь, испустившая, скажем, крик опасности, не может не зафиксировать в своей памяти результата воздействия крика на других. Именно поэтому вождь стада уже явно адресует свой сигнал окружающим, иначе бы он не повторял его, когда результат не достигается. Точно так же угрожающая сигнализация, адресованная, например, старым самцом-волком молодому самцу, не прекращается именно до момента результативности, а в случае необходимости усиливается

³⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 490.

или подкрепляется другим действием, «расшифровывающим» значение ранее поданного сигнала. В данном случае важно не то, какой механизм (генетически унаследованный или приобретенный) лежит в основе такого рода сигнализации. Важно то, что каждый сигнал есть одновременно «сигнал последствий». Именно поэтому, очевидно, унаследованный фундамент порождения сигнализации, свойственной данному виду, остается только фундаментом до тех пор, пока иерархически обусловленный фактор тормозит «пуск». Уже на уровне стада или стаи мы имеем дело с подавлением «недозволенных» реакций. Этот факт также представляет собой интерес в плане исследования того, как непосредственная эволюционная реакция должна была в соответствующих условиях уступить место другим способам общения.

Весьма важной представляется мысль Б. Ф. Поршнева о том, что существует механизм, «восходящий к ранней поре — к финалу чисто суггестивной стадии эволюции второй сигнальной системы. Это — ответ молчанием»³⁷. Б. Ф. Поршневу предлагает различать молчание «доречевого уровня» («животное молчание») и молчание как отказ от гипотетического — по Б. Ф. Поршневу — механизма эхολалического повторения в пользу паузации, которая привела к образованию словесных (в древнейшем понимании) сигналов, сменивших «неопределенно длительное звучание». Нам же здесь хотелось обратить внимание на возможность использования «в момент молчания» других средств коммуникации: ведь они существовали и существуют наряду с фонациями — мимические и иные выразительные движения. Чрезвычайно интересен тот факт, что существуют универсалии паралингвистического типа не только в человеческом обществе в целом, но и общие для животных всех эволюционных ступеней развития: мы понимаем «тревожное» метание рыб, «угрожающие» стойки петуха или кошки, «стремление уклониться» от столкновения со стороны змей или птицы, «удовлетворенность» — выражение собачьей морды и т. д. и т. п.

Совершенно очевидно, что и животные «считывают» необходимую им информацию паралингвистического типа при общении с человеком. Контактность участников коммуникации определяет возможность использования паралингвистической сигнализации: домашнее животное «фо-

³⁷ Поршнев Б. Ф. Указ. соч., с. 438.

нирует» хозяину, когда видит его и когда, не видя, зовет; но выразительное движение типа «я покажу тебе, что мне надо» или «возьми это и дай мне» или «приласкай меня» никогда не манифестируется в отсутствие адресата. То же самое мы наблюдаем у человека (если это не патология), который «аукает», заблудившись в лесу, но не использует в таком случае ни мимической сигнализации, ни призывных жестов. Если фонация не расшифровывается адресатом (например, эмоциональное «мычание» глухонемого), начинаются поиски иных средств коммуникации: описательные жесты, рисунок, указательные жесты. Мы видели выше, что в сходной ситуации Туй нашел способ пантомимы. Но ведь все мы, затрудняясь объяснить что-либо нашему одноязычному собеседнику, также прибегаем к жестикуляции или рисунку, «чтобы было понятнее». Не парадоксально ли это при развитой и якобы универсальной системе вербальной коммуникации?

«В вопросе о паралингвистических явлениях, — пишут Т. М. Николаева и Б. А. Успенский, — существуют две крайние точки зрения. Одна (ее можно назвать «натуралистической») исходит из естественности паралингвистических явлений и стремится вывести их из определенных биологических процессов; отсюда следует универсальное распространение тех или иных явлений в разных обществах. Другая точка зрения — „конвенционалистская“... зависит от культуры, традиций. Представляется целесообразным совместить оба подхода при рассмотрении паралингвистических явлений. Но, думается, что первая точка зрения более оправдана во многих случаях применительно к диахроническому, а не синхронному рассмотрению»³⁸.

Разумеется, нужно исследовать культурно-традиционные, специфические для каждого общества носителей данных языков, паралингвистические компоненты речевой коммуникации. Но сам факт наличия даже различных, скажем, жестикуляционных ПК в разных социумах есть одновременно универсальное явление. Впрочем, на наш взгляд, различия подчас подчеркиваются в ущерб установлению общих по форме и по значению ПК. Проф.

³⁸ Николаева Т. М., Успенский Б. А. Языкознание и паралингвистика. — В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966, с. 73.

д-р Карл Леонхард, известный своими исследованиями в области медицинской психологии, предлагает в своей книге³⁹, опираясь на богатейший фактический материал, собранный за многие годы, ряд выводов, которые мы предлагаем в собственном переводе и нами избранной последовательности.

1. «Теоретически можно было бы предположить, что средства эмоциональной выразительности различны не только у представителей различных народов, но и у разных представителей внутри одной и той же нации, ибо лица у разных людей чрезвычайно разнообразны. С помощью измерительных приборов очень легко показать, например, явные различия в выражениях лица..., но для всех представителей человеческого рода указанные выразительные движения будут однозначными в силу способности (т. е. психологической способности наблюдателя. — *И. Г.*) отвлекаться от математически обнаруживаемых различий в пользу доминирующего признака, отражающего сущность»⁴⁰.

2. «Звуковые выразительные средства (имеются в виду произвольные фонации, сопровождающие выразительные движения или вообще эмоциональные состояния. — *И. Г.*) воспринимаются и интерпретируются с той же уверенностью и определенностью (что и мимические средства — *И. Г.*) всеми людьми, будь то женщины или мужчины, старики или дети, людьми с низкими и сильными или с высокими и слабыми голосами»⁴¹.

3. Отмечая большое разнообразие фонаций и трудность (или невозможность) их буквенного или даже транскрипционного фиксирования, К. Леонхард предлагает классифицировать их по многочисленным семантическим группам: «недоверие», «согласие», «ирония», «нетерпение», «радость», «грусть», «гнев» и т. д.⁴²

Таким образом, универсальные для всех людей ПК фонационной или иной природы, а также часть из них, универсальная для всего животного мира, — наблюдаемый и очевидный поэтому факт — могут представлять интерес не только в диахроническом плане, если мы хотим исследовать реальный процесс коммуникации. Но универсаль-

³⁹ Leonhard K. Der menschliche Ausdruck. Leipzig, 1968.

⁴⁰ Там же, с. 51.

⁴¹ Там же, с. 51—52.

⁴² Там же, с. 296—308.

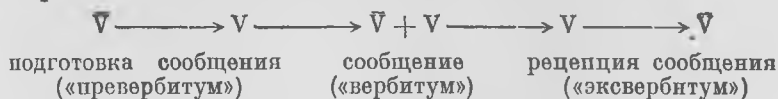
ность ПК, а также «глобальный характер» (на который правильно указывала Д. И. Рамишвили — см. выше, стр. 8) выразительной фонации или мимического проявления представляют собой, на наш взгляд, сильное доказательство примарности авербального способа коммуникации: жест (указательный, описательный или имитирующий) или фонация (эмоциональная или имитирующая) — эти средства легли в основу человеческой коммуникативной деятельности. Именно они обладают в ситуации конкретностью, но могут быть сами по себе достаточно глобальными, что необходимо и для образования протопонятий через обобщение, и для целей номинации в отсутствие объекта номинации: имитация рычания вызовет образ «того, что рычит», описательный жест — «внешний облик или направление движения того, о чем сообщается». Фонация естественна и универсальна, может быть имитирующей; жест нагляден. То и другое мотивировано и не требует ни внешних (по отношению к субъекту) средств, ни высокой (относительно современного уровня) степени абстрактности мышления. Сложившаяся веками система использования ПК, как можно полагать, сохранилась в основных своих (универсальных) проявлениях без особых изменений, а возможно, и передается генетическим кодом. Она представляет собой — по нашей гипотезе — внешнюю моторику функционального базиса речи⁴³, обеспечивающего механизмы образования протопонятий, для которых необходимы обобщения наглядных образов; на этот базис с течением времени «наложился» качественно иной знаковый конструкт — второсигнальная система в ее нынешнем понимании, но изменился — в меньшей мере — и механизм мышления. И все же «рудименты» древнейшего состояния коммуникации настолько сильны и активны, что современная деятельность человека не только использует их в коммуникативном аспекте, но и развивается дальше с помощью самых различных «пеязыковых» (в смысле естественного языка) систем. Отсюда, как нам кажется, и проистекает «противоречие между представлением о четких границах лингвистического объекта и неопределенностью фактических

⁴³ Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.

границ между лингвистическим и экстралингвистическим»⁴⁴.

Терминологическим сочетанием «экстралингвистическое явление» обозначаются, как известно, и ситуация общения, и predisposиционные факторы, и «смысл» общения (в психолингвистическом плане), и часто объекты паралингвистики. Поэтому мы до сих пор пользовались термином «паралингвистические компоненты» (ПК), стремясь точнее обозначить объекты нашего рассмотрения и не отрываться от традиционного значения термина⁴⁵; в то же время еще совсем недавно «паралингвистическими» назывались преимущественно «фонационные явления, не входящие в систему собственно дифференциальных фонологических противопоставлений»⁴⁶. Имеет смысл в дальнейшем использовать термин «невербальные компоненты» (НВК) в широком смысле, имея в виду как средства несловесной коммуникации в речевом акте⁴⁷, так и несловесные элементы, принимающие участие в кодовых переходах в процессах вербализации (при порождении речи) и девербализации (при рецепции речи).

В сокращенном виде участие НВК различной природы и функций в коммуникативном акте можно представить в схеме, обозначив через V вербальный, а через \bar{V} — невербальные компоненты:

В соответствии со схемой предлагается и последовательное рассмотрение НВК в коммуникативном акте.

⁴⁴ Скребец Ю. М. Речевая деятельность и частный лингвистический объект. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 4, с. 136.

⁴⁵ Колшанский Г. В. Указ. соч., с. 6.

⁴⁶ Ахманова О. С. Указ. соч., с. 312.

⁴⁷ В данном случае «невербальный» совпадает полностью по объему значения с широко употребляемым термином «nonverbal». См., например: Barbara A. Nonverbal communication, — Journal of communication, 1963, N 13,

Глава II

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ («ПРЕВЕРБИТУМ»)

Проблема внутренней речи и данные нейрофизиологии

«Поведенческая коммуникативная модель — „слово-стимул“ — „слово-реакция“ не в состоянии объяснить реальных процессов порождения и рецепции речи»¹. В модели, предложенной Э. П. Шубиным, мы видим уже две дополнительные операции, одна из которых заключается в превращении некоторого содержания («смысла») в «акустический или графический знаковый продукт» средствами психофизиологического устройства говорящего, а другая, производимая психофизиологическим устройством слушающего, заключается в превращении принятого знакового продукта в некоторое содержание («смысл»). Эта модель, которую автор называет «сугубо огрубленной»², представляется удачной, тем более, что она была подробнее описана в более поздней работе, свободной от вынужденного схематизма первой³. Тем не менее, недостаток модели мы видим в том, что в ней конструирование «смысла», превращение «смысла» в акустический или графический знак, перевод «знакового продукта» в «смысл» суть процессы однокодовые, а именно — вербальные: «Мы сознательно разграничили сферу мышления (где формируется или куда поступает «смысл»), — пишет автор, — и коммуникаторы (где смысл преобразуется в знаковый продукт или извлекается из него). Условность такого разграничения очевидна, ибо... мысль без языка существовать

¹ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. Изд. 5. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.

² Шубин Э. П. О языковой коммуникации. — ИЯШ, 1967, № 4.

³ Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972.

не может»⁴. И далее: «Здесь нам важно отметить, во-первых, что само мышление не может функционировать без определенных компонентов коммуникатора (нет мышления без языка), и, во-вторых, что в нормальной коммуникации мышление (собственно внутренняя речь) использует тот же язык, который служит для реализации коммуникативной внутренней речи и акустического (графического) знакового продукта»⁵. Правда, Э. П. Шубин склонен отличать «коммуникативную внутреннюю речь» от «собственно внутренней речи», где «помимо полных и редуцированных образов языковых знаков, фигурируют также наглядные образы и представления, сигналы ощущений и эмоций»⁶, но и при этом, существенно, на наш взгляд, дополнении, автор полагает, что на «уровне мышления» функционируют обязательно нейрофизиологические эквиваленты акустического кода наряду с «сигналами ощущений». В 1-й из цитированных работ Э. П. Шубина говорится также, что при рецепции текста может иметь место и «разгадывание» подтекста (скрытого смысла сообщения), а также оценка его истинности или ложности. «Однако, — читаем, — рассмотрение этих функций мышления уже выходит за пределы науки о языке»⁷. Строго говоря, смысл сообщения всегда скрыт в тексте, не дан в нем, если отвлечься от процесса рецепции или порождения: «Текст не существует вне его создания или восприятия»⁸, — пишет А. А. Леонтьев, имея в виду, конечно, не физическое существование текста в виде звукозаписи или книги.

То, что мы называем значением слова, словосочетания и целого сообщения, есть результат соотнесения знака вместе с ситуацией общения с хранящимися в механизме памяти эквивалентами («следами») прежних ситуаций, прежних ситуативных типов, субъективно и объективно значимых. Знак может быть новым, относительно новым, как новой или относительно новой может быть пере-

⁴ Шубин Э. П. О языковой коммуникации, с. 28.

⁵ Шубин Э. П. Языковая коммуникация... с. 95. (разрядка здесь и выше моя. — И. Г.). Здесь термин «коммуникативная внутренняя речь» обозначает вербально оформленное содержание, подготовленное к высказыванию (во внешней речи).

⁶ Там же, с. 95.

⁷ Шубин Э. П. О языковой коммуникации, с. 31.

⁸ Леонтьев А. А. Указ. соч., с. 15.

живаемая (вместе с процессом восприятия знака) ситуация общения. Но значимым может быть только такой знак, значимой может быть только такая ситуация, которые совместно могут быть сведены к известному типу или к комбинации известных типов знаков и ситуаций. Возникает вопрос, каким образом в аппарате мозга осуществляется «осмысление бессмыслицы», каким образом понимается текст. Этот вопрос неизбежен; если мы представим себе процесс понимания речи как превращение знака внешней речи в его же собственный эквивалент нейрофизиологической природы, а процесс порождения речи — как обратное превращение, то в итоге мы получим довольно странную картину: слово (второй сигнал) функционирует «само для себя», без связи с первосигнальной системой, если не считать восприятия самого знака. Значение слова, словосочетания, сообщения — все это якобы только результат соотнесения внешней формы с ее эквивалентом в аппарате мозга. Двусторонняя сущность знака — фикция, ибо есть только формальная субстанция во внешней речи и ее же отражение — во внутренней. Если нам нечто представляется (как отражение реального мира), то это — ошибка интроспекции, так как мыслим мы только «знаками языка». Представление слова *яблоко* замещает нам представление самого предмета, вкуса яблока нет, есть только нейрофизиологический эквивалент словосочетания *вкус яблока*. Утверждение *сейчас тепло* мы не можем соотнести ни с субъективными температурными ощущениями, ни с показаниями прибора. Абсурдность такого рода положений очевидна, но, тем не менее именно к ним приводят нас гипотезы о внутренней речи, понимаемой как функционирование нейроэквивалентов акустической или графической формы знаков языка.

Между тем имеется серьезный и обширный экспериментальный материал, который, как будет показано ниже, может как будто служить основанием критикуемой нами концепции. Наиболее сильной в этом смысле работой является итоговая (к 1968 г.) книга А. Н. Соколова⁹, обобщающая и собственные многолетние эксперименты автора и его сотрудников, и вышедшую в свет к тому времени обширную литературу по проблеме внутренней речи. Основные выводы А. Н. Соколова: а) «предпринятое нами экспериментальное исследование внутренней речи (без-

⁹ Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968. Изд. 2. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007.

звучной вербализации) и ее роли в процессе умственной деятельности показывает, что в той или иной степени внутренняя речь отмечается не только при словесно-понятийном, но и при наглядном мышлении, а также в процессах восприятия, запоминания и воспроизведения словесного и наглядного материала»¹⁰; б) «мышление в любом случае связано с языком, хотя в отдельные моменты, или фазы, решения (особенно при решении наглядных задач) речедвигательная импульсация может быть заторможена. Это, однако, не означает, что в последнем случае имеет место «безъязыковое» мышление. Такой вывод был бы неоправданным допущением, так как основывался бы на изоляции одной фазы мышления от другой, что по существу невозможно. . . Следовательно, здесь имеет место постоянное взаимодействие предметной и речевой информации, которое описывалось И. П. Павловым как взаимодействие первой (предметной) и второй (речевой) сигнальных систем»¹¹.

В многочисленных опытах А. Н. Соколова и его сотрудников, при самых разнообразных заданиях и при различных типах памяти испытуемых, электромиограммы (ЭМГ), снятые с органов артикуляции в момент решения различных умственных задач, фиксировали скрытую артикуляцию. Мы предпочли бы пока говорить о «скрытой артикуляции» (в кавычках) так как в опытах не удалось показать, что при одной и той же скрытой артикуляции носители одного и того же языка, решая одну и ту же вербальную задачу (например, воспроизведение одного и того же стихотворения «про себя»), обнаруживают одни и те же графические эквиваленты на ЭМГ. С другой стороны, в опытах не было показано, что носители разных языков обнаруживают разные же латентные речедвижения. Таким образом, не было показано со всей очевидностью, что «скрытая артикуляция» есть именно артикуляция, а не моторика другого происхождения, о чем мы будем говорить ниже. Допустим, однако, что ЭМГ фиксирует именно артикуляцию. В соответствии с выводом б) отмечается и момент отсутствия артикуляции. Автор называет этот момент торможения артикуляции такой «фазой» речемыслительного акта, которую невозможно изолировать от другой фазы, при которой артикулярные

¹⁰ Там же, с. 228.

¹¹ Там же, с. 230.

движения обнаруживаются. Но, так как решение наглядных задач не сопровождается артикуляторной активностью, как при решении вербальных задач, а моменты угасания активности артикуляции наблюдаются также и в условиях вербальной задачи, то мы считаем возможным предположить, что: 1) фаза торможения артикуляции соответствует моменту собственно мыслительной деятельности, работе информационных систем коры после периода анализа (опознания) акустических сигналов «на входе» или до начала формирования будущего высказывания «на выходе»; 2) фаза скрытой артикуляции, особенно ее активная часть, соответствует периоду анализа (опознания) вербальных акустических сигналов, периоду «обработки формы», или периоду «становления формы». Рассмотрим некоторые положения работы А. Н. Соколова, которые показались нам не вполне совместимыми.

1. «Хорошо известно, что ребенок повторяет далеко не все, что слышит и понимает... Это отставание речи ребенка от понимания речи окружающих само по себе в достаточной степени говорит против обязательности повторения слов для их понимания»¹². Но: «...при слушании речи других людей, мы, хотя и не повторяем все слова, а лишь некоторые из них, все же общий тонус речевой мускулатуры очень повышен и на фоне его наблюдаются отдельные всплески электроактивности»¹³. Мы считаем важным отметить, что в начальном периоде развития ребенка до появления «эгоцентрической речи» (по Пиаже) ребенок не просто «не повторяет все слова», а не может их повторять. Речь идет не о необязательности повторения, а об обязательности «неповторения» — при умении выполнять вербальные инструкции взрослых. Не ясно также, каким образом можно «отдельные всплески электроактивности» идентифицировать с отдельными словами (какими именно?), и не принимается ли вообще «повышенный тонус речевой мускулатуры» за «минимальную активность» речевой моторики при решении наглядных задач.

2. Если понимание речи ребенком (мыслительный акт) опережает собственную речь ребенка, то каким образом можно развитие мышления характеризовать следующей последовательностью этапов: а) предметные дей-

¹² Там же, с. 78 (разрядка здесь и ниже моя. — И. Г.).

¹³ Там же, с. 220.

ствия с «эгоцентрической» (внешней) речью и б) перевод внешней речи во «внутренний план»¹⁴?

Кстати, Б. Ф. Баев также считает внутреннюю речь производной от внешней речи¹⁵. Получается, что внутренняя речь произошла от внешней, внешняя («эгоцентрическая») появляется после того, как возможно понимание внешней речи; понимание же внешней речи есть внутренняя речь, т. е. скрытая вербализация, без которой мышление невозможно.

Мы не можем, кроме того, согласиться с мнением А. Н. Соколова, что результаты экспериментов Н. И. Жинкина «в значительной степени совпадают» с описанными А. Н. Соколовым опытами и что различие Н. И. Жинкиным единиц внутренней речи («неполные слова») и единиц внешней речи («полные слова») сводится к различию развернутых единиц внешней речи и «редуцированных» единиц речи внутренней. Под «неполными словами», по терминологии Н. И. Жинкина, как пишет А. Н. Соколов, «разумеются любые эквиваленты, заменяющие слова в процессе внутренней речи»¹⁶. Как мы увидим, речь идет не о «любых эквивалентах» вообще, а о специфических эквивалентах значений вербальных знаков, а результаты экспериментов Н. И. Жинкина по выводам прямо противоположны выводам А. Н. Соколова. Н. И. Жинкин пишет: «Я являюсь сторонником другой гипотезы, согласно которой мышление реализуется не на каком-либо национальном языке, а на особом языке, вырабатываемом каждым мыслящим человеком... Процесс понимания речи... и процесс формирования смысла речевого сообщения... может осуществляться не только в коде речедвижений и уж во всяком случае не в речедвижениях, нормализованных национальным языком»¹⁷.

А. А. Потебня, не располагавший никаким экспериментальным материалом, интуитивно пришел к тем же выводам: «Слушающий повторит услышанный от другого

¹⁴ Там же, с. 58.

¹⁵ Баев Б. Ф. Проблема внутренней речи (на укр. языке). Киев, 1966; Он же. Процесс общения и внутренняя речь. — XVIII Международный психологический конгресс, ч. II. М., 1966.

¹⁶ Там же, с. 49.

¹⁷ Жинкин Н. И. Ответ С. Я. Бурштейн. — ИЯШ, 1966, № 2, с. 105.

звук, ему предстанет... объясняющий звук образ предмета... Понимание есть... переложение мысли на другой язык»¹⁸. «Объясняющий звук образ предмета» А. А. Потебни — это весьма близко к «наглядному представлению», которое «становится дешифратором смысла речевых символов» Н. И. Жинкина¹⁹, а не «любой эквивалент».

А. Р. Лурия полагает, что в онтогенезе появляется вначале не «эгоцентрическая» речь, а коммуникативная (обращение к окружающим): «Эволюция речи была прослежена немецкими учеными Бюлер и Гетцер, которые... показали, что речь ребенка (при рисовании. — И. Г.) сначала отражает уже сделанный рисунок и называет его, затем начинает сопровождать его, а затем начинает предшествовать рисунку и принимать участие в планировании действия, постепенно сокращается и, наконец, к 7—8 годам почти полностью исчезает, принимая форму той неслышной внутренней речи, которая и составляет основу внутреннего интеллектуального действия»²⁰. Но в то же время автор указывает на три последовательных этапа формирования действия: а) праксис, б) речевое сопровождение праксиса, в) речевое планирование праксиса²¹. Таким образом, праксис как решение интеллектуального порядка (и понимание речи взрослого — добавим от себя. — И. Г.) обнаруживается все же раньше громкой речи и — тем более — раньше «свернутой внутренней речи». В сущности и А. Н. Соколов признает существование «первичных форм общения», возникающих до появления слов» и цитирует даже слова И. П. Павлова о животных формах мышления как «формах конкретного мышления без слов», добавляя: «очень много примеров таких понятий может дать и детская психология»²². Следовательно, по крайней мере в раннем онтогенезе, человек мыслит в рамках таких форм, которые не нуждаются в обязательной опоре на язык во внутренней речи. Ясно, во всяком случае, что собака и кошка понимают свои клички и выполняют множество вербальных инструкций без внешнего или внутреннего «проговаривания», без

¹⁸ Потебня А. А. Полн. собр. соч., т. I. Харьков, 1926, с. 75, 79 (разрядка здесь и выше моя. — И. Г.).

¹⁹ Жинкин Н. И. Указ. соч., с. 105.

²⁰ Лурия А. Р. Речь и мышление. М., 1975, с. 11.

²¹ Там же, с. 10.

²² Соколов А. Н. Указ. соч., с. 28.

внутренней речи, связываемой с функционированием второй сигнальной системы.

Л. С. Выготский, развивая тезисы Келера и Бюлера о разных генетических корнях интеллекта и речи, не мог, разумеется, допустить ошибку отождествления процессов мышления и речи, поэтому его понимание единства мысли и слова принципиально отлочно от более поздних интерпретаций. В частности, Л. С. Выготскому принадлежит идея структурного несоответствия мысленного содержания его речевому выражению: «То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно»²³.

Один из важнейших (в рамках рассматриваемой проблематики) результатов нейрофизиологических исследований был сформулирован в 1960—1965 годах Питтсом и Мак-Коллоком: «Язык, с помощью которого передается информация (в мозге)... не соответствует и не должен соответствовать тому языку, которым люди пользуются в общении друг с другом»²⁴ (разрядка моя. — И. Г.). В 60-х же годах отечественные ученые своими собственными путями пришли к упомянутой идее структурного несоответствия между кодовыми системами мышления и внешней речи²⁵. А. А. Леонтьев предложил тезис о неидентичности трех процессов, которые часто квалифицируются как один и тот же: внутренняя речь, внутреннее программирование речевого высказывания и внутреннее проговаривание²⁶. Вполне определенно говорит А. А. Леонтьев, что внутреннее программирование «не зависит от языка, по крайней мере, в плане самих «смыслов», а не кода, который используется для их закрепления»²⁷.

²³ Выготский Л. С. Мышление и речь. — В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 378.

²⁴ Цит. по кн.: Прибрам К. Языки мозга. М., 1975, с. 15. — Не имея возможности воспользоваться цитируемой работой, мы нашли аналогичные мысли в работе: McCulloch W. S. Embodiment of mind. — MIT Press, 1965.

²⁵ Жинкин Н. И. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех. — Изв. АПН РСФСР, 1960, № 113; Леонтьев А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания. — В кн.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. См. также коллективную монографию под ред. А. А. Леонтьева: Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

²⁶ См.: Леонтьев А. А. Внутренняя речь., с. 6—11.

²⁷ Там же, с. 12.

Представляется очевидным, что только экспериментальные данные могут дать исчерпывающие ответы на вопросы о механизмах конструирования мысли и механизмах ее «облачения в слово». Если известно, что «высокие уровни мозговой деятельности привлекаются для решения даже элементарных задач, которые в принципе могут быть решены и без участия второй сигнальной системы»²⁸, то известно и другое: «Многие этапы моделирования действий, их предварительное «проигрывание» мозгом протекают на невербальном уровне»²⁹. П. В. Симонов, основываясь на результатах специальных исследований, отмечает, что при снятии ЭМГ с артикуляционных мышц, «бессмысленные сочетания звуков, воспроизводимых «про себя», дают максимальную активность»³⁰, что, на наш взгляд, серьезно противостоит результатам анализа ЭМГ по методике А. Н. Соколова: последние показали наибольшую активность артикуляторных движений при решении трудных мыслительных задач. Наличие таких прямо противоположных результатов ставит под сомнение правомерность интерпретации ЭМГ в качестве доказательств артикуляторной базы мышления. Фиксируемая с помощью ЭМГ моторная активность может, на наш взгляд, обнаруживаться по разным причинам.

1. В условиях эксперимента, т. е. в условиях потенциального речевого общения, неизбежно формируется установка на речь, что должно выражаться, в частности, в упреждающей активации органов артикуляции еще до реализации конкретной речевой моторики, связанной с конкретным высказыванием.

2. В условиях потенциального речевого общения могут быть активизированы механизмы звуковой сигнализации, близкие к механизмам «стайного шума» животных. Сигнализация такого рода не несет, как известно, никакой специальной информации, кроме «информации о присутствии».

3. В тех же условиях эксперимента может обнаруживаться активность, связанная с ауторитмией (в смысле Н. А. Бернштейна, К. Лоренца, А. В. Войно-Яснецкого и др.), подобной той, которая обнаруживается еще в период гуления в раннем онтогенезе. Ауторитмия или пер-

²⁸ Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975, с. 67.

²⁹ Там же, с. 68.

³⁰ Там же, с. 70.

вичные ритмы возбуждения, возможно, тесно связаны с формированием установки на речь (см. п. 1-й).

4. Всякий акт общения не может быть абсолютно нейтральным в эмоциональном плане, причем эмоциональные проявления затрагивают моторику лица, включая губы, язык — весь артикуляторный комплекс. Эмоциональная моторика манифестируется прежде речевой (см. об этом в ранее цит. работе К. Леонхарда).

5. Существует «механизм межанализаторного взаимодействия рече-двигательного и слухового анализаторов в процессе активации базиса долгосрочной вербальной памяти», что подтверждает правомерность предположения о феномене «озвучивания» внутренней речи (А. Н. Соколов)³¹. Здесь, как видим, может идти речь о предположении, а не о доказанных обязательных взаимодействиях. В результате, например, взаимодействия сигналов от разных рецепторов могут возникать интермодальные «соощущения» типа синестезий, которые обнаруживаются, в частности, в «речевых синестезиях». Но такие взаимодействия, повторяем, не обязательны. Как пишет Н. П. Бехтерева, они связаны с общей активацией «долгосрочной вербальной памяти». В только что цитированной работе³² содержатся данные, имеющие прямое отношение к проблеме внутренней речи в целом. Основным эксперимент Н. П. Бехтеревой и ее сотрудников имел целью «идентифицировать нейронные популяции головного мозга человека, причастные к переработке содержащейся в вербальных сигналах семантической информации»³³. В ходе эксперимента, фиксирующего активность определенных участков, «ансамблей клеток» коры, в ответ на различные (вербальные и авербальные) раздражители, было показано, что 1) возникающий в ответ на предъявление слова нейрофизиологический конструкт «паттерн» вначале отражает некоторые акустические характеристики предъявленного сигнала. «Паттерны этого

³¹ Бехтерева Н. П., Бундзен П. В., Каплунский А. С. и др. О нейрофизиологическом кодировании психических явлений человека. — В кн.: Память в механизмах нормальных и патологических реакций. Л., 1976, с. 23 (разрядка моя. — И. Г.).

³² Имеется в виду указанная коллективная монография, а также: Бехтерева Н. П. Нейрофизиологический код простейших психических процессов человека. — Вестник АН СССР. Серия «Нейрофизиология», № 11, 1975, с. 84—91.

³³ Бехтерева Н. П., Бундзен П. В., Каплунский А. С. и др. О нейрофизиологическом кодировании. ., с. 29.

типа были условно обозначены как акустический код»³⁴. По-видимому, возникновение таких паттернов акустического кода есть 1-я фаза переработки вербального знака в коре; 2) «...первичный акустический паттерн претерпевал трансформацию, связанную, по-видимому, с анализом значимости предъявляемого сигнала»³⁵. Очевидно, здесь наблюдается другая фаза внутренней речи, которую можно назвать началом фазы собственно семантической переработки; 3) собственно семантическая фаза характеризуется, на наш взгляд, возникновением «паттернов принципиально другого типа, параметры которых не обнаруживают связи с акустическими свойствами сигналов. Данный паттерн мы обозначили как автономный»³⁶. Чрезвычайно важным мы считаем следующее замечание, связанное с ответом на квазислова (вспомним опыты с квазисловами А. Н. Соколова и П. В. Симонова). «Перестройки подобного типа полностью отсутствуют в паттернах активности при обработке квазислов»³⁷. Таким образом, перестройки семантического типа при переработке псевдослов отсутствуют, что и следовало ожидать. Но важно также, что именно обработка псевдослов вызывала вспышки артикуляторной активности в опытах П. В. Симонова. Можно, видимо, считать доказанным, что артикуляторная активность вообще связана только с фазой переработки воспринимаемой формы речевого сигнала, с фазой вербального оформления «смысла» перед высказыванием.

Образование «автономного кода» характеризуется как «выражение той автономности, которая лежит в основе перехода от памяти и репродукции вербальных сигналов к процессам мышления»³⁸ и далее: «Формирование нервного кода ответной реакции (при воспроизведении известного слова. — И. Г.) происходит, по-видимому, при одновременном вовлечении семантического уровня, т. е. в условиях активации энграмм, хранящих информацию о значении слова. При этом нервный код ответной реакции может быть сформирован в значительной степени без использования акустического кода и является результатом замещения его на

³⁴ Там же, с. 13.

³⁵ Там же, с. 13.

³⁶ Там же, с. 19.

³⁷ Там же, с. 20 (разрядка здесь и выше моя. — И. Г.).

³⁸ Там же, с. 27.

вторичный нервный код»³⁹. По нашему мнению, «вторичный нервный код» и есть УПК Н. И. Жинкина, «дешифрат» вербального кода. Эти положения представляются предельно четким выражением идеи невербальности собственно мыслительного процесса.

Изложенное не означает, однако, что представляемая нами концепция внутренней речи не нуждается в дальнейшем экспериментальном исследовании. Напротив, ниже предлагается описание эксперимента, который, как мы предполагаем, должен дополнить результаты, полученные Н. И. Жинкиным⁴⁰ и перепроверить результаты опытов Н. К. Индик и Р. Мартинеса⁴¹. В этих опытах испытуемым троекратно предъявлялись пары рисунков или слов и измерялось время и качество их запоминания при различных артикуляционных помехах. Одновременность и разрывность предъявлений могла повлиять на результаты опыта. Иллюстрированный материал запоминался за период, когда речедвигательная импульсация предположительно проходила фазу торможения. Поэтому в наших опытах мы предъявляли испытуемым не отдельные рисунки и не пары не связанных между собой рисунков, а серии Х. Бидструпа, Ленгрена и других художников. Серии были разной «длины», т. е. состояли из 2, 3, 4, 5 и 6 рисунков, логически и изобразительно связанных между собой. Синхронно с предъявлением серий на слух тем же испытуемым предъявлялись связные тексты. Тексты тематически резко отличались от серий рисунков⁴².

Время усвоения находилось фиксацией двух моментов: а) начало просмотра, б) эмоциональный эффект. В среднем просмотр серии из двух рисунков отнимал 6 сек., из 6 рисунков — 45 сек. Испытуемым предлагалось просмотреть максимальное количество серий рисунков при одновременном прослушивании текстов разной длины. Переход от одной серии рисунков к другой сопровождался переходом от одного текста к другому, причем 1—1,5 сек. паузы между просмотрами всегда совпадали с такими же перерывами в прослушивании текстов. Общее время од-

³⁹ Там же, с. 39.

⁴⁰ Жинкин Н. И. Исследование внутренней речи...

⁴¹ Эти эксперименты подробно рассмотрены А. Н. Соколовым (указ. соч., с. 111—115).

⁴² Одновременная переработка изображения и текста одной темы прекрасно осуществляется без всякой интерференции, о чем свидетельствует восприятие звукового кинофильма.

Таблица 2

Кол-во серий	Кол-во рисунков в серии	Время, мин.	Качество воспроизведения содержания в оценках по 5-балльной системе (числитель — рисунки, знаменатель — текст)		
			текст	сюжет	детали
8	2	1,5	5/5	5/4	5/4
6	3	1,8	5/5	4/3	4/3
5	4	2	5/5	5/4	4/4
3	5	2,5	5/5	4/4	3/3
2	6	1,5	5/5	5/5	4/4
2	6	2,5	5/5	4/5	4/4
2	6	2,4	5/5	5/5	3/4
2	6	2	5/5	4/4	4/3
2	6	2,3	5/5	4/5	4/4
2	6	2	5/5	4/4	4/3
В среднем: 2			5/5	4/3,9	3,9/3,6
Соответствующие показатели качества воспроизведения после раздельного восприятия рисунков и текстов в условиях умеренных световых и звуковых помех			5/5	4,5/4,2	5,3/4

повременного предъявления рисунков и текстов для каждого испытуемого равнялось 2 мин. После предъявления текстов и рисунков каждый испытуемый опрашивался по трем параметрам рисунка и текста: 1) тема, 2) сюжет, 3) детали. Поскольку одновременное восприятие текста и рисунка требует распределения внимания, нормальное качество воспроизведения определялось в контрольных опытах (раздельного восприятия текста и рисунка) в условиях умеренных световых (для рисунка) и звуковых (для текста) помех. В первом случае с помощью реостата изменялась освещенность текста, во втором — произвольно изменялась сила звука на записи. Результаты опыта показаны в табл. 2.

Разница между показателями качества воспроизведения после совмещенного восприятия и после раздельного восприятия в условиях умеренных звуковых и световых помех не является существенной (до $\pm 10\%$), что разрешает предполагать отсутствие интерференции при переработке разнокодовой (вербальной и изобразительной) информации. Можно предположить также, что-либо: 1) и вербальная, и изобразительная информация перерабаты-

ваются с самого начала приема в разных корковых зонах без участия речевой моторики, поступая соответственно через зрительный и слуховой анализаторы; 2) речевая моторика участвует в переработке, но изобразительная информация обрабатывается быстрее, минуя этап девербализации. Тем же испытуемым предлагалось зрительно и на слух воспринимать тексты разного типа — одинаково организованные ритмически (стихотворения одной метрики) и ритмически несовпадающие, но одинаковые по числу слогов и по общей длине. Как и следовало ожидать, испытуемые не могли успешно справиться с заданием, ни один из текстов не усваивался (не мог быть впоследствии пересказан). Делались попытки временного отвращения внимания от одного текста к другому. В таких случаях удавалось усвоить тему того и другого текста, а также запомнить некоторые фрагменты из обоих текстов. Одновременно усвоение одинаковых по ритмике текстов оказалось совершенно невозможным ни в плане темы, ни в деталях. Сюжет, по словам испытуемых, намечался, но «рассыпался» тут же. Предполагается, что если одинаковая информация, проходящая по двум разным каналам одновременно, интерферирует, то отсутствие интерференции свидетельствует о переработке информации в разных кодовых системах. Однако остается неясным, происходит ли интерференция сразу же «на входе» (если речедвигательный код контролирует прием в зрительном и слуховом анализаторах) или впоследствии.

По наблюдениям Б. В. Томашевского, подтвержденным и нашими наблюдениями, специфика труда наборщика заключается, в частности, в умении концентрировать внимание на форме выражения, отвлекаясь от содержания текста настолько, что в наборе могут появляться формально корректные словосочетания, совершенно независимые от узкого контекста: «неприступная башня» (вместо «неприступная богиня» — о Татьяне Лариной), «прочные сердца» (вместо «порочные сердца») и т. п.⁴³ Переработка формы (и ее воспроизведение) при этом осуществляется с нарушением связи «форма — содержание». Возникают те же вопросы: а) моделируются ли зрительно воспринимаемые тексты во внутренней речи способом речедвижений и б) возможно ли совместить формальную операцию над зрительно поступающей вер-

⁴³ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. М., 1959, с. 34—39.

бальной информацией с адекватным восприятием внешней устной речи.

В первом опыте 8 машинисток высокой квалификации, владеющих так называемым «слепым методом», получили одно за другим два задания. В первом следовало перепечатать возможно быстрее, не заботясь об опечатках, текст, часть которого представляла бессмысленный набор слов, а другая часть была с синтаксическими нарушениями.

Во втором задании следовало перепечатать текст, вполне корректный по форме, но фантастического содержания: «Недавно орнитологи обнаружили в поведении птиц нечто новое. Оказывается, что некоторые из птиц могут с легкостью освоить игру на музыкальных инструментах, готовить пищу по рецептам из кулинарных книг, обсуждать телеспектакли и прочитанные на многих языках книги».

Результаты опыта следующие:

1. Перепечатка 1-й части первого текста заняла примерно втрое больше времени, чем перепечатка второй части и всего второго текста вместе взятых. В работе над 1-й частью наблюдались паузы после переписки почти каждого слова. Наблюдались попытки переспросить, вызвать объяснения со стороны. Допущено в среднем 4 ошибки. Перепечатка этого текста оценивалась как наиболее трудная, так как отдельные слова были даны в строку, а не в столбик, чем маскировалась их изолированность.

2. Вторая часть первого текста вызвала появление ряда пауз, вдвое менее частых и втрое менее длительных. Некоторые нарушения синтаксиса замечались и исправлялись сознательно, другие не замечались, но автоматически реконструировалась верная форма. Допущены в среднем две опечатки, не связанные с исправлением нарушений. Текст оценен как «вполне понятный».

3. Второе задание выполнялось в нормальном темпе, почти без пауз, с одной (в среднем) опечаткой. Из всех испытуемых только двое обратили внимание на содержание, указав на «бессмысленность» или «невероятность» написанного. В повторных контрольных опытах приведенные тексты включались в другие, вполне корректные и по содержанию и по смыслу. Качество интересующей нас обработки экспериментальных частей текстов оставалось в основном таким же.

Таким образом, профессиональные умения машинисток в отношении автономной переработки формы идентичны таким же умениям линотипистов (наборщиков). Операции набора (перепечатки) не обязательно сопровождаются аналитическими действиями, касающимися смысла, затрагивают только операции над формой. Зрительно воспринимаемая вербальная форма перекодируется в пальцемоторные движения.

Представлялось интересным в ходе указанного эксперимента предложить испытуемым параллельное вербальное задание. Поэтому выполнение вышеупомянутых заданий по перепечатке было совмещено в одном из опытов с прослушиванием радиотрансляции и записей сообщения «Из зала суда» (60 слов). В другом опыте машинистки должны были, не останавливая перепечатки, ответить на ряд вопросов: «Как проехать к кинотеатру?», «Выписываете ли Вы журнал «Огонек»?», «Много ли у Вас сегодня работы»? Машинистки и в этом случае были в состоянии перепечатывать тексты в нормальном темпе с одновременным осмыслением газетного и радиосообщения, позволяющим вполне удовлетворительно воспроизвести их содержание. Перепечатка текста, состоявшего из набора бессвязных слов, отвлекала от текстов, воспринимаемых на слух.

Все сказанное выше можно подытожить следующим образом.

1. При наличии хорошо автоматизированных навыков оказывается возможным сознательное и корректное восприятие сохранной формы сообщения, ее репродукция и комбинирование отдельных блоков в отрыве от содержательной программы.

2. Поскольку формальные операции такого рода могут совмещаться с приемом содержания других вербальных же событий и конструированием собственной речи, то одна из двух совмещаемых операций должна исключать обязательное использование речевой моторики, так как в противном случае наблюдалась бы интерференция. Поэтому:

3. Имеет смысл говорить о проявлениях автономности планов выражения и содержания при одновременном решении двух различных вербальных заданий⁴⁴.

⁴⁴ Горелов И. Н. О проявлении автономности планов выражения и содержания при одновременном решении двух различных вербальных заданий. — В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1970, с. 97.

В другом опыте мы попытались экспериментальным путем получить некоторые количественные характеристики предполагаемых А. Н. Соколовым свернутых вербальных схем внутренней речи. С этой целью 30 испытуемых в возрасте от 16 до 22 лет (школьники и студенты) в течение 10 секунд каждый рассматривали одну из репродукций ранее неизвестной картины с установкой на последующее максимально точное и детальное словесное описание. Описание должно было содержать только констатирующие перечисления увиденного, не должно было включать модальных глаголов, вводных слов и др. материала, фиксирующего что-либо, не выводимое из изображения непосредственно. После экспозиции испытуемые составляли письменные отчеты об увиденном, а затем зачитывали их с максимальной скоростью, с минимальными дыхательными паузами. Время чтения отчетов фиксировалось секундомером. Затем подсчитывалось среднее количество слов, слогов и звуков, чтобы можно было получить данные о количестве возможных речедвижений (слоговых — так как слог является минимальной единицей артикуляции — в соответствии с данными Н. И. Жинкина о механизмах звучащей речи) за единицу времени и в дальнейшем сопоставить эти данные внешней речи с возможностями внутренних моделей речедвижений (латентных моторных проявлений). Типичный результат иллюстрируем на отчете одного из испытуемых относительно репродукции с картины В. Хоггарта «Вскоре после свадьбы».

Время чтения отчета вслух	35 сек.
Время экспозиции репродукции	10 »
Количество слов в отчете	120 »
Количество слогов	260 »
Количество звуков	585 »

Если запечатление картины с усвоением содержания проходит с помощью внутреннего проговаривания, то за 1 сек. экспозиции во внутренней речи должно было произойти.

$120/10 = 12$ речедвижений на уровне слова (во внешней — 3,4);
 $260/10 = 26$ » » слога (во внешней — 7);
 $585/10 = 58,5$ » » звука (во внешней — 16).

Согласно экспериментальным данным, на которые опирается Дж. А. Миллер, «наиболее вероятная скорость речевых мышц — 5 слогов в сек.», причем кончик языка

(самая подвижная часть артикуляционного аппарата) «может произнести 8,2 слога/сек⁴⁵. Если допустить, что во внутренней речи каждому слову внешней речи соответствует первая модель одного звука, то 120 словам должны соответствовать 12 латентных движений, что значительно выше разрешающих возможностей органов артикуляции. Кроме того, данные не учитывают процесса поиска слов и актуализации отношения испытываемого к изображаемому, что также требует затрат времени.

Невербальные компоненты в процессе вербализации

По мнению Б. В. Беляева, «те или иные мысли выражаются во внешней речи только потому, что предварительно они оказываются словесно выраженными во внутренней речи»⁴⁶. Это положение само по себе не противоречит идее речевого действия, проходящего различные этапы «от смысла к слову». Структура речевого действия была недавно еще раз охарактеризована в этом плане А. А. Леонтьевым⁴⁷.

Субъективно предварение высказывания переживается как осознание некоторой интенции, «... когда возникает намерение что-нибудь сказать, но само высказывание еще не осуществлено. По мере того, как на смену намерению выплывают слова, намерение производит им смотр: подходящие слова отбираются, а неподходящие отметаются в сторону. Можно допустить, что по крайней мере добрая треть нашей психической жизни состоит из этих быстро сменяющихся, еще не высказанных намерений или не-оформившихся мыслей»⁴⁸.

Приведенное описание почти вековой давности сменилось, разумеется, более обоснованными научными моделями. Еще в недавнее время исследований, посвященных

⁴⁵ Экспериментальная психология. М., 1964, с. 353.

⁴⁶ Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. 2-е изд. М., 1962, с. 92.

⁴⁷ Леонтьев А. А. Некоторые психолингвистические аспекты начального этапа процесса овладения языком. — В кн.: Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. 2-е изд. М., 1976, с. 24—27.

⁴⁸ Джемс У. Научные основы психологии. СПб., 1902, с. 125.

планированию речевых действий в чистом виде, практически не было⁴⁹.

Работы зарубежных и отечественных исследователей данной и смежных проблем весьма подробно рассмотрены в «Общем языкознании» А. А. Леонтьевым. Мы коснемся лишь некоторых положений исследований Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева, Е. М. Верещагина и других советских авторов. Л. С. Выготский, рассматривая мысль как процесс, а не результат, наметил стадии от «смутного желания», «от чувствования задачи» к выражению⁵⁰. Однако «этап интенции» не является первым в ряду реализации программы «от мысли к речи». Намерению высказать мысль (как и намерению воспринять высказывание) предшествует этап формирования общей установки на речевую коммуникацию: речевая деятельность должна быть мотивирована субъективно и реализована в соответствующих условиях (наличие адресата, оптимальные дистанции и пр.). В последнее время исследование условий общения ведется особенно интенсивно и успешно⁵¹. Попытаемся проследить на двух литературных фактах, типизирующих жизненные наблюдения, процессы реализации двух речевых интенций. Один отрывок из рассказа Г. И. Успенского представляет диалог между врачом и дьяконом, которому прописан препарат железа для лечения от запоя:

«— Что такое?

— Да вступает ли?

— Что «вступает ли»? Что такое «вступает»? Что вы толкуете?

— Да железо-то... Точно ли, мол, вступает в это... как его?

— Вы пили, кровь у вас теперь — не кровь, а сусло... Понимаете? Сусло, а не кровь!..

⁴⁹ В самое последнее время появились серьезные исследования именно такого характера: *Анухин В. Б.* Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста. Канд. дис. М., 1977; *Патрушев В. А.* Структурно-семантические различия письменной и устной речи (психолингвистический анализ). Канд. дис. М., 1978, гл. I—II, с. 65—172.

⁵⁰ *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 29.

⁵¹ См.: *Леонтьев А. А.* Психология общения. Тарту, 1974. — Здесь же подробный обзор соответствующей отечественной и зарубежной литературы.

— Да разве я об этом? Конечно, пьешь... Да нешто я об этом? Сусло! Я сам знаю, что сусло.

— Ну так что же тут, о чем же разговаривать?

— И, то есть, уж в самый корень вступит?

— Я не знаю, что это за корень... Вам куда надо-то?

Дьякон и сам засмеялся.

— Чорт его знает в самом деле, заплетешь языком пивесть что»⁵².

Ясно, что дьякон, желая узнать, устранит ли лекарство первопричину заболевания, ставит вопросы более узкие, в которых совершенно некомпетентен. У него налицо «смутное» ощущение задачи, мысль содержательно не осознана. Поэтому развертывание внешней речи ограничивается постановкой стереотипных, по существу, вопросов, в которых варьируется лексика с «пустыми» (объективно) значениями (*корень, точка, жила*), входящая в конструкцию «в + вин. п.».

Но в нижеследующем отрывке говорит человек, которого община послала в уездный город для изложения претензий. Крестьянин-ходок, несомненно, хорошо знает, в чем суть претензий — иначе его не выбрали бы ходком. Но вот, как он говорит:

«— То-то дело-то наше... Человечка бы надо... Чтобы в случае он... Дело-то хитро, братец ты мой!

— А-а — радостно произнесли мы.

— Погоди. Тут надо бы еще слово... видите, господа, как надо-то... Ничего не сделаешь. Все не туды... ах, боже мой. Да тут, я тебе скажу, нешто столько. Тут надо говорить вона откудова...»⁵³.

В отличие от дьякона из первого отрывка, ходок не только знает суть дела, но и в ходе своего повествования видит несоответствие между ясным пониманием дела (*по мыслям-то и выходит*) и выражением (*с языка-то не сле-зает, все не туды*). Мы предполагаем, поэтому, что в последнем случае налицо не только определенный мотив, но и содержательная программа. Однако механизм реализации этой программы отказывает, по-видимому, не на стадии самого выражения, а раньше, так как в речи хо-

⁵² Успенский Г. И. Новые времена, новые заботы. Собр. соч. в 9 томах, т. 3, с. 161—169 (отрывок значительно сокращен).

⁵³ Успенский Г. И. Наблюдения одного лентяя, т. 2, с. 251—261 (отрывок сильно сокращен).

дока манифестируются не просто «поиск формы», на который обратил однажды внимание Е. М. Верещагин⁵⁴, и который часто проявляется в паузах («вербальные мыслительные операции»), исправлениях и уточнениях; здесь мы видим и выражение побочных ассоциативных связей. Вербализуются, причем совершенно ясно, оценочные суждения (*Мир... надежду на меня имеет, а я — что?; Языка-то нету у нашего брата*). Но нарушается, по-видимому, развертывание семантической программы по главной линии, так как на нее накладываются «фоновые», тематически одинаковые или близкие, «слединформации» и, возможно, своеобразные «подпрограммы».

Поскольку в акте речевой деятельности «нельзя не антиципировать и будущих фраз составляемого текста, так как иначе потеряется связность изложения»⁵⁵, можно полагать, что в рассматриваемом случае нарушается порядок реализации антиципируемого содержания. Причиной, мешающей адекватному конструированию содержания или развертывания программы, могут быть отрицательные эмоции. Реализация эмотивной функции, в сущности, не требует членораздельности речи в строгом смысле слова, и одной из главных форм ее является интонация в соединении с теми фонациями, которые производятся и опознаются как соотносящиеся с эмоциональными инвариантами, не зависящими от конкретного языка. «Существуют специальные, — пишет Н. И. Жинкин, — надъязыковые программы, обязательные для каждого говорящего, — это интонационные коммуникативные формы общения»⁵⁶. Мы предполагаем, что на первой стадии порождения высказывания потребность сказать нечто, уточняющаяся («опредмечивающаяся», по выражению А. Н. Леонтьева) в мотиве, материализуется, так сказать, не только в смысловой интенции, не только в преднастройке на содержание, но и в определенном эмоциональном плане, объективно проявляющемся в режиме мышц и дыхания; последние конструируют тип интонационной схемы и ритмические характеристики будущего высказывания. Эти структуры, ве-

⁵⁴ Верещагин Е. М. Теории порождающих грамматик и психология. — В кн.: Тезисы докладов межвузовской конференции по порождающим грамматикам. Тарту, 1967, с. 8—9.

⁵⁵ Жинкин Н. И. О теориях голосообразования. — В кн.: Мышление и речь. М., 1963, с. 269.

⁵⁶ Там же.

роятно, более чем другие, типизированы, заполняясь «ближайшим» лексико-грамматическим материалом. Синтаксически он отличается малой глубиной и включает эхологические ответы на реплики партнера или на собственный внутренний «диалог».

Этап оформления смысла не обязательно включает вербализацию. В сущности и явное мысленное проговаривание, даже проговаривание вслух, отнюдь не всегда представляет самый процесс мышления: при мысленном перемножении двузначных чисел мы представляем пространственное расположение цифр (два столбика) и оперируем их зрительными образами; экспрессивная речь здесь — вспомогательное средство удержания в памяти зрительных образов.

В связи с обсуждаемым представляет интерес музыковедческий анализ — попытка вербальной интерпретации музыкального образа. Постоянно дискутируемый вопрос о программности музыкального произведения должен быть интерпретирован с точки зрения психолингвистической как проблема перевода системы чувственных представлений на язык музыки, а с последнего — на национальный язык.

Согласно одной из точек зрения, в сознании композитора возникает вначале некоторое вербально оформленное содержание, которое ассоциируется с системой музыкальных средств выражения, сформированной в процессе специального музыкального обучения и творческой практики⁵⁷. Воспринимающий музыку, если он владеет системой музыкальных средств выражения, понимает ее в том смысле, что умеет декодировать музыкальное сообщение, «переводя» его в чувственные образы и содержательные идеи. Именно в таком плане можно понять разделяемые Д. Кабалевским суждения Г. Пожидаяева, рассказывающего о своих впечатлениях о второй части Пятой симфонии Чайковского: «... Смутно зародилась в моем воображении аналогия, которая впоследствии развилась до ясно видимой сцены диалога влюбленных — Ромео и Джульетты»⁵⁸. По свидетельству того же автора, опрос слушателей Первой симфонии Калинникова показал, что

⁵⁷ Предполагается также, что «музыка является специфической сигнальной системой, возникающей и существующей наряду со второй сигнальной системой» (Рыжкин И. Назначение музыки и ее возможности. М., 1962, с. 69).

⁵⁸ Пожидаяев Г. Страна симфония. М., 1964, с. 30.

«почти все они увидели в музыке картины родной русской природы»⁵⁹. Априорно можно утверждать, что слушатели, не знающие картин русской природы или шекспировского текста, не смогут «увидеть» в музыке то же, что Пожидаяев и опрошенные им слушатели. Однако есть основания полагать, что вызываемые музыкой, скажем, зрительные представления могут у разных людей оказаться тематически близкими. Г. Нейгауз, рассказывая о том, что Ф. Лист сравнил Аллегретто (2-я часть Лунной симфонии) с «цветком между двумя безднами» (между 1-й и 3-й частями), пишет: «Аллегория эта не случайна (ведь можно было сказать: улыбка среди потоков слез или что-нибудь подобное)... Она удивительно точно передает не только дух, но и форму сочинения»⁶⁰.

Из 15 испытуемых с высшим музыкальным образованием, которым мы предложили словесно интерпретировать зрительные представления, возникающие под влиянием 4-х тактов сонаты, цитированных Г. Нейгаузом, только двое довольно близко (семантически) подошли к вышеупомянутой интерпретации («полет мотылька в солнечном луче» и «танец феи на поляне»).

Существует, однако, и другое мнение: «Музыка как таковая находится за пределами словесных разъяснений и словесных описаний... Утверждать, что композитор «пытается выразить» эмоцию, которую потом снабжают словесным описанием, означает унижать достоинство слов и музыки»⁶¹. Слова эти, принадлежащие Игорю Стравинскому, находятся, впрочем, в резком противоречии с другими его же словами: «В „Весне священной“ я хотел выразить светлое воскрешение природы, которая возрождается к новой жизни, воскрешение полное, стихийное, воскрешение зачатия всемирного»⁶². Игорь Стравинский пишет, что «предвкушение творческого акта сопровождается предчувствием неизвестного, уже захватывающего нас, но еще непонятного». Идея осознается (имеется в виду музыкальная идея, совершенно не связанная с возможностями ее вербального описания) позже, «когда что-то в моей натуре испытывает удовлетворение от некоторого рода слухового представления». Причем, «если

⁵⁹ Там же, с. 32.

⁶⁰ Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры. М., 1967, с. 39.

⁶¹ Музыка и современность, вып. V. М., 1969, с. 271—272.

⁶² Стравинский И. Что я хотел выразить в «Весне священной». М., 1963, № 141.

музыкальная идея представляет собой мотив (а не только ритмический комплекс. — *И. Г.*), то он, естественно, возникает одновременно со своим звучанием»⁶³. Речь идет, видимо, о ритмико-мелодическом единстве. Полагаем, что при всех различиях между порождениями речевого и музыкального высказывания описанные стадии последнего вполне соответствуют моментам «потребность» — «мотив» — «интенция» — «антиципация смысла» — «опосредование смысла формой выражения». В дальнейшем композитор приступает к поискам более точной формы и, наконец, наступает стадия выражения «готового».

Противоположный подход имеет в виду те случаи, когда композитор исходит из действительно готовой программы, данной ему в виде литературного источника или зрительных впечатлений, или же в качестве более или менее подробно разработанного идейного плана (темы). В этом случае вербальное описание будущего музыкального произведения или его вербальная интерпретация в последующем, как правило, имеют место и считаются как бы «законными». Но музыкальный образ и вербальное сообщение конструируются в разных кодах и не сводимы друг к другу.

«Без изобразительного языка внутренней речи, — пишет Н. И. Жипкин, — был бы невозможен никакой натуральный язык, но и без натурального языка деятельность внутренней речи бессмысленна»⁶⁴. Нам представляется, что без («до») натурального языка внутренняя речь не бессмысленна: в ней обобщаются отраженные психикой сходные явления, образуется типовой образец, что позволяет в дальнейшем, анализируя объекты реальности, «отсекать» несущественное от доминирующего признака. Внутренняя речь решает задачу «отличить тождественное от нетождественного», формирует «протопонятия». Все это охватывает те «два доречевых в строгом смысле этапа речевого действия», которые А. А. Леонтьев и Т. В. Рябова характеризуют как «1) вероятностное прогнозирование и 2) достижение обусловленного структурой деятельности в целом „образа результата“, т. е. задачи действия»⁶⁵,

⁶³ Ярустовский Б. Игорь Стравинский. М., 1963, с. 202—266, 272, 55.

⁶⁴ Жипкин Н. И. Замысел речи. — В кн.: Мышление и речь, с. 12.

⁶⁵ Леонтьев А. А., Рябова Т. В. Фазовая структура речевого акта и природа планов. — В кн.: Планы и модели будущего в речи, с. 29.

а также следующий этап — внутренней программы речевого действия, соответствующий конструированию «замысла речи» (Н. И. Жинкин). Будущее высказывание (текст) «расчленяется на иерархическую сеть тем, подтем, субподтем и микротем», причем «далекое упреждение текста (антиципация. — И. Г.), как правило, происходит без реализации всех слов этого предстоящего текста». Предполагается, что вначале антиципируется наиболее общая тема, соответствующая наиболее общему по значению знаку языка (который ее может позднее маркировать), например, «грусть», «тревога», «радость», «равнодушие» и т. п. Затем в процессе разработки и конкретизации может появиться подтема, которую в дальнейшем знак определит как «тревога за собственную жизнь» или «радость предстоящей встречи». В дальнейшем порождаются собственно тексты, отражающие конкретную ситуацию в той или иной мере полноты. Тот факт, что «далекое упреждение текста, как правило (мы бы сказали: всегда. — И. Г.), происходит без реализации всех слов этого предстоящего текста»⁶⁶, подтверждается на материале сравнения набросков и тезисов будущих статей и выступлений В. И. Ленина с текстами этих статей и выступлений⁶⁷. Можно сказать, что план статьи представляет собой эллиптический конструкт, наличные элементы которого представлены в тексте плана, а отсутствующие — во внутренней речи. Подтверждается положение Н. И. Жинкина о том, что «при помощи метаязыковой абстракции... часть натурального языка может быть выделена и представлена как особый язык, один и тот же во всех натуральных языках, — это логика»⁶⁸. Логические суждения, выводимые читателем из полного текста, созданного также путем осуществления предварительно разработанной логической программы, применялись также и в конструировании плана. Однако они также переводились отчасти во внутреннюю речь, как и антиципированное содержание будущей статьи. Поэтому по наличному тексту плана нельзя в полной мере судить

⁶⁶ Жинкин Н. И. Замысел речи, с. 15.

⁶⁷ Карасев П. С. Из наблюдений над композицией ленинских статей. — В кн.: Проблема жанров в журналистике. Л., 1968, с. 5—12.

⁶⁸ Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. — В кн.: Мышление и речь, с. 37.

о логическом развертывании содержания. Воссоздать текст статьи может только сам автор плана.

Как отмечает Н. И. Жинкин, «в механизме языка нет устройства для отбора слов... Но и интеллект не может производить отбор, так как в его распоряжении нет памяти слов (словаря)»⁶⁹. Надо сказать, что до сих пор не установлено, в каком виде хранятся единицы языка в устройстве, называемом «памятью слов». У журналиста, героя новеллы «Эксперимент профессора Роуса» К. Чалека, память хранила ограниченное количество газетных клише на уровне словосочетаний (синтагм), которыми он реагировал немедленно на любой вербальный стимул профессора Роуса. Умение стереотипно реагировать на стереотипные стимулы реально, и оно, видимо, свидетельствует о наличии в памяти действительно готовых словосочетаний не только у профессиональных работников прессы, но и у постоянных читателей. Однако обычное школьное упражнение на составление предложения с заданным словом или группой слов осуществляется путем обдуманного конструирования и не порождается совершенно автоматически.

В обычном случае порождаемый текст корректируется, паузируется и т. п. Он не конструируется из изолированных звуков, так как в зависимости от позиции используется именно необходимый вариант, антиципированный ранее: нарушений на уровне звуков бывает меньше всего (практически не бывает), исключая редкие оговорки⁷⁰. Последнее обстоятельство, по-видимому, говорит также в пользу того, что в «памяти слов» существуют и готовые синтагмы. Но должны существовать и отдельные слова: учащиеся легко решают задачу на придумывание слов с заданными параметрами — начальной, средней или конечной буквой (звуком). Мы не утверждаем, что слова хранятся в словарной форме. Речь может идти, видимо, о морфемах разного рода, а также о словоформах. Ученики младших классов также принимают синтагмы (особенно предложные сочетания) за «слова».

Проблема психолингвистических единиц речи, отличающихся от единиц языка, подробно и перспективно

⁶⁹ *Он же. Замысел речи*, с. 14.

⁷⁰ Произнесение ребенком «тартошка» вместо «картошка», равно как и любые другие случаи регрессивной ассимиляции, представляется нам результатом антиципации звукового ряда.

обсуждена А. А. Леонтьевым⁷¹, который исходит из того, что во внутренней речи имеют место «два относительно независимых процесса — семантическая реализация и грамматическая реализация» программы будущего высказывания⁷². Подтверждение правильности этого положения мы находим не только в том, что усвоение смысла высказывания и развертывание нового высказывания с тем же смыслом не зависят от конкретных слов, но и в том, что грамматическая и семантическая программы обладают своими собственными синтаксическими характеристиками. Обратимся к следующему опыту.

Носителям русского, тюркских (туркменский и киргизский), цемедкого, английского, армянского, и корейского языков мы предложили с помощью жестов передать смысл ряда предложений. Пары «беседующих» распределялись в первой серии так, что «говорящий» и «слушающий» владели одним и тем же языком, а во второй серии — разными языками. Поскольку в обеих сериях были получены в основном одинаковые результаты, опишем их однократно.

Предложение *Ты умеешь играть на скрипке?* составляется из следующих жестовых смысловых компонентов: *ты* (жест в сторону слушающего) + *играть на скрипке* (движения, имитирующие игру) + вопросительное выражение лица (*умеешь? играть?, м. б. слышал, как играли?*).

Как и последующий опрос, опыты показали, что случаев непонимания не было, хотя для уточнения реципиент иногда просил жестом или мимикой повторить сообщение. Общая тенденция смыслового синтаксирования (если, разумеется, жест передает именно эту схему) заключается, видимо, в том, что рематический субъект и объект действия размещаются контактно⁷³. Жестовые определения находятся в постпозиции. Язык жестов менее избыточен, чем естественный язык. Дело, конечно, не только в отсутствии в нем знаков на уровне флексий или приставок, но в специфических возможностях. Модальность, например, выражается комплексно, вместе с предметным обозначением — через мимику и движение; предложные конструкции изображаются «предметно», без различения «основного» и «служебного». Мы предпола-

⁷¹ Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969. Изд. 4. М.: КомКнига/URSS, 2007.

⁷² Леонтьев А. А., Рыбова Т. В. Указ. соч., с. 30.

⁷³ Субъект — «тема» вообще в таких случаях не обозначается.

гаем, что порождение всякого рода эллиптических высказываний опирается (как и их восприятие) на основные семантические узлы программы, часть которых обозначена в речи (жесте), а другая не обозначена, так как учитывается их наличие и непосредственное «участие» в ситуации общения. Однако и полное высказывание также представляет собой наложение внутренней программы на схему внешней речи и на ситуацию, в результате чего происходит выявление конкретного значения любого знака, который вне речевой деятельности остается «вещью в себе».

При восстановлении речи у страдающих афазией обнаруживается противопоставленность синтаксиса национального языка синтаксису содержательной программы. По данным А. Р. Лурии⁷⁴ и Т. В. Рябовой⁷⁵, подтвержденным и нашими наблюдениями, внешнеречевое высказывание может более успешно осуществляться больным при условии, что он получает внешние (предметные) опоры, соответствующие некоторым целостным компонентам предложения. Нам кажется, однако, что каждый опорный элемент соответствует не отдельному слову во всех опытах, а семантическим группам на уровне синтагмы. На вопрос (по картине) *Где стоит лошадь?* больной отвечает: *Лошадь* (указывает пальцем на первый элемент предметной схемы) *стоит* (указывает на второй элемент) ... *около стога* (указывает третий элемент). Если поправить ответ (показав четыре «опоры») — больной соглашается, однако в дальнейшем могут быть проявлены те же тенденции. Линейность внешней речи не доказывает линейного же ее структурирования во внутренней речи, «слева направо», элемент за элементом. Как убедительно показали Д. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам, «для того чтобы ребенок обучился всем правилам этой последовательности. ., он должен был бы выслушать приблизительно 30²⁰ предложений в секунду, для того чтобы (при обучении. — И. Г.) воспринять всю информацию, необходимую планирующему для формирования предло-

⁷⁴ Лурия А. Р. Проблемы и факты нейролингвистики. — В кн.: Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). М., 1968.

⁷⁵ Рябова Т. В. Механизм порождения речи по данным афазологии. — В кн.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.

жения»⁷⁶. Кроме того, в различных языках приняты, как известно дистантные расположения таких компонентов, которые не могут планироваться во внутренней речи раздельно, так как составляют смысловое единство в самом узком значении этого слова. Ясно также, что модель порождающей грамматики Н. Хомского (весьма, впрочем, удобная для других целей) также не выдерживает испытания, если приложить ее к процессу овладения языком и к отдельному речевому акту: «ядерные конструкции» не всегда усваиваются прежде трансформ, высказывание далеко не всегда строится алгоритмически.

В своей критике порождающей грамматики А. А. Леонтьев конструктивен, предлагая собственную модель, основные черты которой были им обрисованы еще в 1967 г., а подробная характеристика дана двумя годами позднее⁷⁷. Отметим, что в предлагаемой А. А. Леонтьевым модели «мы имеем дело не с исследованием протекания речевых процессов, а с исследованием предпосылок такого протекания или, если угодно, — системы существенных факторов этих процессов»⁷⁸. Среди других пяти принципов, составляющих методологическую основу предполагаемой модели, А. А. Леонтьев называет эвристический, интерпретируемый в том смысле, что «в зависимости от конкретной реальной ситуации» говорящий «может избрать тот путь психолингвистического порождения высказывания, который в данных обстоятельствах является оптимальным. Именно этим объясняется парадоксальный факт, что находят одинаково убедительное экспериментальное подтверждение психолингвистические модели, заведомо противоречащие друг другу» (имеются в виду модели НС и ТМ — трансформационная модель. — И. Г.)⁷⁹. Считая эвристический принцип весьма важным и ценным «в себе», а не только в качестве объяснения упомянутого парадоксального факта, подчеркнем, что обе модели (НС и ТМ) не находят убедительного подтверждения при попытке приложить их к исследованию процесса становления речи.

⁷⁶ Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структуры поведения. М., 1965, с. 158—159.

⁷⁷ Леонтьев А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания.

⁷⁸ Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождению речевого высказывания, с. 263.

⁷⁹ Там же, с. 264.

А. А. Леонтьев конструирует «приципиальное различие механизмов, обеспечивающих порождение синтаксической конструкции, с одной стороны, и ее лексическое „наполнение“ — с другой. Если первый из этих механизмов носит конструктивный характер... то другой, по-видимому, скорее является в своей основе вероятностным»⁸⁰.

Касаясь далее механизма выбора слов, автор предлагает для характеристики этапа поиска слова три группы критериев: «ассоциативные (семантические)», «звуковые» и «субъективно-вероятные» признаки⁸¹.

Переходя к обсуждению весьма важной для исследуемого вопроса работы Е. М. Верещагина, начнем с той ее части, где рассматриваются результаты экспериментов А. Н. Соколова. «Внутренняя речь, — пишет автор, — будучи оценена сама по себе (ранее говорилось, что она «может быть целью порождения». — *И. Г.*), может не переходить во внешнюю (или звучащую) речь». И далее: «Видимо, не следует думать, что внутренняя речь имеет своим субстратом именно моторику и поэтому проявляет себя в речедвижениях или импульсации речедвижений... Во всяком случае, Л. С. Выготский не предполагал, что внутренняя речь проявляет себя именно так»⁸². Ссылаясь далее на ряд исследований, автор приходит к выводу, что они «ставят под сомнение ценность работ А. Н. Соколова», так как регистрируемые с помощью ЭМГ активные колебания языка и губ «однозначно не связаны с внутренней речью» и не являются «скрытой артикуляцией»⁸³.

Е. М. Верещагин предлагает (вслед за Х. Джексоном, А. Р. Лурия и др.) «принять в качестве исходного допущения, что порождение речи — это вербализация»⁸⁴, т. е. процесс перехода от мыслимого содержания, выраженного средствами какого-то кода внутренней речи, к внешней речи. Процесс этот растянутый, разумеется, во времени, не поддается непосредственному наблюдению и поэтому называется латентным. Автор считает далее, что с началом произнесения первого звука (во внешней речи) латентный процесс не прекращается, а, напротив, продолжается, манифестируясь на протяжении всей фразы (сле-

⁸⁰ Там же, с. 267.

⁸¹ Там же, с. 268.

⁸² Верещагин Е. М. Порождение речи: латентный процесс (предварительное сообщение). М., 1968, с. 21, 84.

⁸³ Там же, с. 86.

⁸⁴ Там же, с. 12.

дует, очевидно, уточнить, что понимается под «фразой» — то же, что составляет понятие «предложение», или то, что определяется как «фонетическая единица»). Мы думаем, что в каждом конкретном случае вербализация осуществляется по-разному в зависимости от уровня знака языка, от субъективной готовности к речи вообще и к данному речевому акту — в частности.

Так, поскольку различные формы хезитации проявляются чаще внутри относительно свободного словосочетания, чем внутри устойчивого, то в общем случае вербализация протекает, видимо, тем быстрее, чем тривиальнее способ оформления данного смысла. Следовательно, говоря «тривиальный способ оформления», можно и нужно подразумевать либо «нормативную тривиальность», либо «узкую тривиальность», связанную с индивидуальными особенностями речи. Для Е. М. Верещагина удобнее оперировать термином «детерминация», понимаемым как «вероятность совместного появления двух и более единиц выражения, равную единице»⁸⁵, и термином «поиск», при котором «одна актуализировавшаяся единица выражения приводит к актуализации вполне определенной другой с вероятностью, меньшей единицы». В нашем понимании «тривиальность» объединяет и детерминацию, и поиск, если последний характеризуется вероятностью, достаточно близкой к единице. Собственно «поиском» мы предпочитаем называть операцию, которая более радикально противопоставляется детерминации. Предложение типа *Зеленые идеи бешено спят* порождается, на наш взгляд, способом поиска в сфере семантической сочетаемости, хотя и здесь очевидно осуществление принципа детерминации: *-ые* детерминирует появление *-и*, *-ы* или *-а*, или других показателей множественного числа имени существительного. Но *Зеленые листья редко опадают* — это пример тривиального оформления соответствующего содержания, тогда как *Юные дети ветвей крепко держатся за своих матерей* — пример нетривиального оформления той же мысли, пример применения «поиска». Принцип детерминации осуществляется неосознанно, а контроль за выражением в плане грамматическом протекает и по ходу высказывания, и «пост фактум» (оговорка исправляется). Селекция определяется автором как явление, сопровождающееся «сознательным и волевым усилием говорящего».

⁸⁵ Там же, с. 56.

Этим самым селекция отличается «от иных этапов поиска формы выражения при движении от мысли к тексту»⁸⁶. Отсюда, видимо, следует, что поиск формы выражения включает этап и неосознанных действий.

При амнезии слова этап селекции хорошо прослеживается либо в формах hesitation или satiation⁸⁷, либо в форме перебора близких (по «семантическому полю») единиц. Так, автор приводит пример селекции в речевом акте афатика: *Это к обеду... не ложка, не вилка... Это нож*. Селекцией, очевидно, можно считать также и выбор выразительных возможностей из ряда приблизительных семантических эквивалентов выражения одного и того же смысла. Имеет смысл, видимо, предполагать, что этап селекции распадается на ряд стадий, охватывающих различные уровни общей семантической программы. В обычном случае вряд ли имеет смысл говорить об осознанности этапа селекции, ибо селекция заканчивается до исполнения артикуляционной программы, осуществление которой уже принадлежит другому этапу — контролю. Последний возможен только благодаря наличию слухо-моторного анализатора (в норме). Если афатик отвергает вариант номинации «ложка или вилка», то только потому, что он осуществляет слухо-моторный контроль. Таким образом, компоненты селекции и контроля функционируют попеременно.

В ряде случаев (предварительное обдумывание, предварительное проговаривание высказывания) можно выявить ярко выраженные этапы селекции и контроля, которые следуют друг за другом всегда в одной и той же последовательности. Но эта селекция качественно иная по сравнению с той, которая производится в процессе вербализации. Переход от смысловой единицы предметного кода в речевую единицу латентен, неосознан и подлелжит осознанному контролю через слуховой анализатор часто уже после того, как он совершен в исполнительной (артикуляторной) части. Поэтому не для всех случаев верно, что «нет оснований представлять себе отношение этапа контроля к этапу селекции в виде следования (однократного или многократного). Видимо, они оба не отде-

⁸⁶ Там же, с. 29.

⁸⁷ О satiation см.: Негневицкая Е. И. Смысловое восприятие текста и семантическая ситуация. — В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 114—118.

лены друг от друга во времени, т. е. проходят параллельно»⁸⁸.

Соглашаясь с возможностью «интерпретировать процессы селекции и контроля в терминах обратной афферентации или обратной связи», Е. М. Верецагин тем самым признает определенный порядок следования разнородных по функции процессов селекции и контроля: любая коррективная импульсация есть ответ на сигнал относительно уже достигнутого результата на пути к цели. Существует также особый вид обратной связи, которую Н. Винер называет «упреждающей», а П. К. Анохин — «опережающей афферентацией». Она формируется в системах, в которых «эффектор имеет существенно запаздывающую характеристику» и, следовательно, «компенсатор должен быть упреждающим»⁸⁹. Если, ссылаясь на Н. Винера и П. К. Анохина, Е. М. Верецагин имеет в виду именно этот тип, связанный не с достигнутым результатом, а с образом «конечной цели», то тогда следует признать, что компоненты селекции и контроля осуществляются либо в рамках установки, протекающей бессознательно, либо — бессознательно же — на основе генетически наследуемого механизма. Иная интерпретация не будет достаточно непротиворечивой. Порождение нарушенных (по форме) высказываний (как следствие пропуска этапов контроля и селекции) «не может считаться обычным» и «наблюдается при отвлечении внимания говорящего, при быстром темпе речи, при утомленности говорящего, при его соматическом нездоровье», а также «при спонтанной речи во время «гонки идей»⁹⁰. Однако круг названных причин настолько широк, а их диагностика так затруднительна, что, на наш взгляд, порождение высказывания с различного рода нарушениями формы — обычное явление, систематически проявляющееся при любом более или менее продолжительном сообщении. В пользу этого утверждения свидетельствуют не только наблюдения, но и ряд обоснованных предположений, среди которых мы хотели бы назвать следующие.

1. Говорящий озабочен более всего содержательным аспектом информации. Его высказывание должно в первую очередь обеспечить коммуникативную цель. Поскольку та-

⁸⁸ Верецагин Е. М. Порождение речи, с. 31.

⁸⁹ Там же, с. 178.

⁹⁰ Там же, с. 32.

кая цель достигается — при соблюдении правильной формы или с нарушениями последней в определенных пределах — он считает свою задачу выполненной.

2. Объективное значение нормы не обеспечивает само по себе ее соблюдения. Речевой навык формируется на основе употребления в микроузусе семьи, возрастной, профессиональной и других групп.

3. В речевой деятельности, как и во всякой другой, соблюдается принцип экономии усилия. При соблюдении указанного принципа усилия экономятся — по причинам, отмеченным в п. 1 и 2, — именно на отвлечении внимания от формы высказывания.

В повседневной речи ощущение автоматизированности речевого навыка в плане грамматическом (вследствие детерминации) переносится субъективно практически на любое порождаемое высказывание в целом, включая и его содержательный аспект. Поэтому оценка говорящим собственной речи (положительно подкрепляемой пониманием ее окружающими) далеко не всегда критична.

Первая из трех гипотез, выдвигаемых Е. М. Верещагиным, гласит: «Некоторые языковые единицы, содержащиеся в лингвистических описаниях, психически реальны»⁹¹. При этом под психической реальностью понимается «возможность предсказать с ее помощью наблюдаемого на практике речевого поведения»⁹². Психически реальные единицы могут быть осознаваемыми и неосознаваемыми. Автор считает, что осознаваемая единица психически реальна, «если любой носитель данного языка безусловно может ее повторить». Отметим, что повторить вслед за экспериментатором какую-либо единицу языка (звук, слог, слово, синтагму, предложение) любой носитель языка может и без осознания данного отрезка в качестве более или менее самостоятельной единицы. Это подтверждается, в частности, тем, что дети и взрослые малограмотные носители языка далеко не всегда могут правильно членить предложения на слова, а слова — на слоги или отдельные звуки⁹³. С другой стороны, значение

⁹¹ Там же, с. 43.

⁹² Там же, с. 44.

⁹³ Шестилетним детям мы предлагали вопросы типа «Есть ли слова *диваном*, *бублике*, *шара*?» — и неизменно получали отрицательные ответы с пояснениями: «Такого слова нет, есть *диван*. Еще есть слово *под диваном*». Следовательно, словоформа, не употребляемая данным носителем в изолированном

словообразующих элементов интуитивно ясно любому носителю данного языка, включая детей, которые производят самостоятельно слова типа *самее, лошадка* (К. Чуковский). Иными словами, ребенок не сможет интерпретировать значение *-е, -а, -ище, -ик* и т. п., но активно различает *лошадка — лошадка, сам — самое, дом — домик*. Таким образом, следовало бы, на наш взгляд, говорить о безусловной психической реальности некоторых лингвистических единиц лишь на уровне слова (не всегда!), синтагмы, предложения и сообщения, если бы мы непременно хотели связать понятия психической реальности и осознанности. В противном случае оба критерия коррелируют не всегда. Что касается психической реальности синтаксических моделей свертывания, развертывания и трансформационных моделей, то она весьма обстоятельно изучалась и подтверждена: Е. М. Верецагин приводит соответствующие данные.

Вторая гипотеза Е. М. Верецагина: «В неосознаваемый период латентного процесса актуализируются наиболее устойчивые единицы выражения»⁹⁴. Автор называет «единицами выражения» такой «психический коррелят языковой единицы... психическая реальность которой доказана», а «под устойчивостью» понимается прочность связи (зависящей от давности возникновения и частотности актуализации) между понятием и лексемой⁹⁵. Сравнивая сочетания *семантическая протяженность* и *доброе утро*, автор, естественно, полагает, что первое обладает меньшей устойчивостью, чем второе, в силу чего актуализация первого сочетания во внешней речи требует волевых и осознанных усилий (на этапах контроля и селекции), а второе производится автоматизированно. Далее автор говорит, что поскольку творческая мысль уникальна, она по логике вещей никак не оказывается заранее привязанной к какой-то определенной форме выражения⁹⁶. Видимо, это не совсем и не всегда так. Уникальная мысль, отражающая научно подтвержденный факт, и ложное суждение могут укладываться в одну и ту же модель с одним и тем же лексическим составом: 1) «Земля вращается вокруг солнца» и 2) «Солнце вращается вокруг земли».

виде, не осознается как семантически реальная единица, но может быть преобразована и приведена к последней.

⁹⁴ Верецагин Е. М. Порождение речи..., с. 46.

⁹⁵ Там же, с. 48—49.

⁹⁶ Там же, с. 47.

Выражение любой мысли (включая уникальный парадокс) есть всегда комбинация из ранее известных форм.

Мнение Е. М. Верещагина о неосознанности этапа поиска (этап селекции, как мы видели раньше, квалифицируется автором как осознанный) правильно, хотя процесс поиска нужной формы выражения манифестируется во внешней речи наиболее явно.

Третья гипотеза формулируется автором следующим образом: «В неосознаваемый период латентного процесса порождения речи поиск единицы выражения (по правилу устойчивости) осуществляется только в узлах (т. е. на уровне модели или морфа), а в ветвях (т. е. операциях развертывания высшей или промежуточной модели) действует детерминация»⁹⁷. Например, актуализация *дедушка и бабушка* предполагает облигаторно появление *-ят* после морфа *люб-*, а *-ят* — появление *-го* при *маленьк* и *-а* при *внук-*. В качестве важнейших следствий из третьей гипотезы назовем два.

1. «Порождение речи не сводится к семантическому принципу, поскольку детерминация автоматически расчленяет мысль на ряд смыслов, т. е. модифицирует ее»⁹⁸.

2. «Латентный процесс и звучащая речь не исключают друг друга, латентный процесс опережает звучащую речь, но не прекращается с ее началом». Ясно, что при этом «не устанавливается лишь двоякого следования осознаваемого и неосознаваемого периодов: они чередуются большое число раз»⁹⁹, наконец, «контроль и возможная селекция сопровождают актуализацию каждого грамматически оформленного слова»¹⁰⁰.

Если первое следствие представляется нам хорошо обоснованным, обобщенным, как и главная часть второго, то заключающая мысль верна только для тех случаев порождения речи, в которых мы наблюдаем исправление говорящим допускаемых им нарушений формы выражения, если мы знаем, что он компетентен в исправлениях.

Но с первым следствием не вполне согласуется, на наш взгляд, ранее приведенный тезис: «уникальная мысль по логике вещей никак не оказывается заранее привязанной к какой-то определенной форме выражения», поскольку

⁹⁷ Там же, с. 56.

⁹⁸ Там же, с. 74.

⁹⁹ Там же, с. 75.

¹⁰⁰ Там же.

при ее выражении действует детерминация, «автоматически расчленяющая мысль» и «модифицирующая ее». Творческий характер речи, таким образом, должен констатироваться не на уровне операции развертывания формы, пригодной для внешнего выражения, а на уровне семантического развертывания, замысла, т. е. во внутренней речи, до начала поиска единиц выражения. Новизна мысли проявляется во внешней речи не путем создания новой синтаксической модели и не способом нового создания слова (хотя такое и возможно), а через новую композицию ранее известных формальных обозначений семантических узлов в рамках известной конструкции (синтаксической модели); примером тому могут служить парадоксы Уайльда.

Физиологически программирование высказывания осуществляется, как показал Н. И. Жинкин, корковой импульсацией, сигнализирующей речедвигательному аппарату о предстоящем высказывании. «Задолго до установки языка и фонации» глотка «уже становится в определенное положение, у п р е ж д а я п р о и з н е с е н и е»¹⁰¹. Отсюда следует, что замысел речи конструируется в коре р а н ь ш е подачи сигналов на речедвигательный анализатор и гораздо раньше начала работы языка, до п о я в л е н и я речедвижений, которые фиксируются по методике А. Н. Соколова. Было бы очень заманчиво получить возможность фиксации речевых движений глотки и дыхательных органов («Механизм речевого дыхания, — пишет Н. И. Жинкин, — резко отличается от механизма спокойного дыхания») в момент решения интеллектуальных задач. Если бы это удалось сделать (или, напротив, речевые движения не были бы обнаружены), вопрос о роли речевых кинестезий в процессе мышления был бы решен более определенно. Мы склонны думать, что ЭМГ, снимаемые по методике А. Н. Соколова, указывают не на собственно речедвижения, а на общую активизацию речедвигательного анализатора, ибо «потребность что-либо сказать другому, определенность ситуации разговора и соответственно этому эмоциональные приспособления внутренней среды организма возникают р а н ь ш е, ч е м н а ч и н а е т с я р е п л и к а . . . все это тянет, увлекает за собой речевой поток и накладывает на него свой особый инто-

¹⁰¹ Жинкин Н. И. Новые данные о работе двигательного речевого анализатора. — Изв. АПН РСФСР, 1956, вып. 81, с. 56.

национный отпечаток. Здесь и вступает в действие произвольно неуправляемая речевая интенция»¹⁰². Но неуправляемыми (произвольно) являются и модуляции глотки. Они «не подчиняются словесной инструкции»¹⁰³. Собственно речевые движения, напротив, произвольны, хотя и не первичны, а поэтому эксперименты, призванные выявить механизмы внутренней речи, должны ставиться в условиях, исключающих общение.

Весьма интересные данные о взаимодействии гладких мышц (не управляемых произвольно) с поперечно-полосатыми (выполняющими произвольные движения) содержатся в работе В. П. Морозова¹⁰⁴. Возможно, что эти данные помогут объяснить непроизвольную активность, принимаемую за латентные речедвижения.

Резюмируя рассмотренные проблемы порождения высказывания, можно прийти к следующим выводам, большая часть которых совпадает с гипотезами Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева и Е. М. Верещагина.

1. Содержание будущего высказывания конструируется в системе УПК (по Жинкину).

2. Программа смыслового развертывания не является зависимой от синтаксиса конкретного национального языка, а единицы «смыслов» — от единиц национального языка.

3. Конструирование формы выражения заключается в использовании уже имеющихся в памяти готовых знаков разных уровней или в комбинации их.

4. Селекция и контроль осуществляются непрерывно в продолжение всего процесса высказывания.

5. Говорящий антиципирует содержание будущего высказывания, а также — «на более близкое расстояние» — форму его выражения. Оба процесса антиципации не синхронизированы, реализуются во взаимодействии, но автономно.

6. Речевая моторика не является обязательным «базальным компонентом мыслительного процесса», предваряющего порождение речи.

7. «Базальный компонент речевой деятельности» невербален. На невербальном уровне обеспечивается мотивация, формируется этап интенции, производится оценка ситуативных условий общения.

¹⁰² Жинкин Н. И. О теориях голосообразования, с. 267.

¹⁰³ Там же, с. 256.

¹⁰⁴ Морозов В. П. Тайны вокальной речи. Л., 1967.

Глава III

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТЕКСТА

О некоторых деформациях нормативного текста

«Традиционная грамматика, — писал О. Есперсен, — устанавливает правила и всяческие отступления от этих правил расценивает как грубые ошибки... Лингвист-психолог устанавливает причины нарушения правил в том или ином случае: может быть, дело в том, что глагол отделен от подлежащего и не хватает умственного усилия помнить, в каком числе стояло подлежащее; или глагол стоит до подлежащего, а говорящий еще не решил, каким оно будет и т. п.»¹. О. Есперсен пришел к верному предположению относительно механизма порождения речи и причин различных нарушений нормы задолго до возникновения теории внутреннего программирования и до появления работ В. Ингве о связи глубины предложения с объемом оперативной памяти говорящего. О. Есперсен, несомненно, имеет в виду и возможность языковых изменений под влиянием индивидуальных (первоначально) нарушений нормы, продолжая в этом смысле концепцию Г. Пауля, хотя ни Г. Пауль, ни О. Есперсен не могли до возникновения социолингвистики предложить конкретных примеров, иллюстрирующих весь процесс становления нового узуса и новой нормы.

Ранее мы показали, что НВК могут выполнять все основные функции языковых знаков, т. е. фактически заменять текст. Такого рода замены естественно ведут к определенным деформациям семантико-синтаксического текстового целого; если не воспринимать одновременно с вербальной частью сообщения его авербального компонента, обнаруживается семантическое «зияние», нарушающее внутри- и сверхфразовое единство.

¹ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 328. Изд. 3. М.: КомКнига /URSS, 2006.

В предлагаемом разделе рассматриваются такие нарушения, которые обусловлены самим характером процесса вербализации и обнаруживаются в тексте как «следы» внутреннего программирования, а именно:

А) нарушения, связанные с тем, что в процессе вербализации некоторой готовой содержательной программы высказывания эксплицитно осуществляется поиск формы (т. е. слова или словосочетания). Назовем этот тип «НПФ» (нарушения в связи с поиском формы).

Б) Нарушения, связанные с тем, что мысленное содержание может быть готовым лишь в какой-то части, тогда как остальные конструируются «по ходу высказывания»: уже выраженная часть высказывания не просто уточняется, а радикально исправляется. Этот тип назовем сокращенно «ИСП» (исправление содержания реплики).

В) Нарушения, близкие по характеру к Б), но отличающиеся тем, что реплика дополняется различным образом, отклоняясь от основного содержания. Назовем их («ОС» (отклонения от содержания)).

Г) Нарушения, связанные с тем, что один из вербальных компонентов реплики заменяется НВК. Этот тип обозначим через «НВЗ» (невербальная замена вербального компонента).

А. НПФ – ТИП

«Парадигматическая и синтагматическая организация речевого процесса, — пишет Л. Р. Лурия, — обеспечивается **различными** мозговыми системами»². Ввиду того, что эти системы, как показывают исследования в области афазиологии, локализуются различно, процесс вербализации уже сформированного содержания будущего высказывания неизбежно и явно дополнительно растягивается во времени. Момент выбора подходящей единицы речи заметно отстоит от момента «внутреннего включения» ее в синтаксическую структуру внешней речи. Поиски формы манифестируются тогда ненормативной паузацией, хезитациями фонационной и другой природы. Например: «И вот, когда пришло время пересмотреть наши позиции и. .. гм. .. изучить... Клеветники стареются»³.

² Лурия А. Р. О двух основных классах афазических нарушений речи. — В кн.: *Проблемы афазии и восстановительного обучения*. М., 1975, с. 15.

³ Тропопольский Г. Здравый смысл. М., 1975, с. 322.

К этому же типу мы относим различные исправления формы типа оговорок, которые столь же часты в повседневной речи, сколь редко фиксируются в художественном тексте.

Авторы из эстетических соображений не моделируют случайные ошибки в сфере парадигматики, управления, согласования и пр., если не ставят специальных задач (например, описание речи пьяного). Приведем поэтому нашу собственную запись «живых» реплик: «А вы как *думали, думаете?* Что *они*, что *они сами захотят* уйти из комнаты?»

Б. ИСР–ТИП.

Этот тип включает не менее многочисленные и не менее разнообразные случаи, чем предыдущий. Есть черта, специфичная именно для этого типа: при факультативных формальных нарушениях содержательные «сбои» являются главными:

— Ich habe gehört, daß man Sie...

— Gewiß doch... *Vielleicht*. Aber im Vertrauen gesagt: *Die Verwaltung war nicht immer mit mir einverstanden*⁴ В ответной реплике мы видим категорическое утверждение, выражение сомнения и, наконец, разъясняющую констатацию.

В. ОС–ТИП

Этот тип чаще всего обнаруживается в парентезах: *Mein lieber Freund, — ich kann Sie nicht anders nennen, wenn Sie auch meinen Namen wohl nie gehört haben — also, ich bin ein sehr alter Diener Gottes*⁵; Он испокон века жизнью занимается. Землю папшет, скотину пасет, ребятишек родит. Ему — *какая ни есть политика — жизнь надобна*. .. Урожай, приплод⁶.

Но отклонение от основного содержания может проявляться и не в форме парентезы:

— *А теперь иди*.

— *Куда?* — Страх, растерянность и робкая надежда мелькнули в мокрых зеленых глазах Лизы.

— Ох, девка, девка... Меня, бывало муженек покойничек редкий божий день не бивал... — Тут Александра

⁴ Malamud B. Ein neues Leben. Berlin. 1970, S. 125.

⁵ Kisch E.E. Landung in Australien. Berlin, 1955, S. 112.

⁶ Залыгин С. Избр. соч. в 2-х томах, т. 1. М., 1973, с. 387.

сама коротко всплакнула, потом притянула к себе Лизу, обняла. — *Иди, иди! Домой иди...*⁷

Г. НКЗ — ТИП

Рассмотрим случаи замены различных членов предложения НВК, опуская случаи замены целой реплики.

а) Замена сказуемого:

— Ну что, *не цепляется?* — спросил он мастера. Тот по-качал головой: мол, нет⁸.

— *Sind angekommen?* Der Leutnant nickte müde⁹.

б) Замена прямого дополнения:

*Wen denn? Beide zeigten mit ihren Augen dorthin, wo die Gefangenen kauerten*¹⁰.

в) Замена косвенного дополнения:

*Wem? Wir? Er nickte langsam und beddchtig*¹¹. Для кого это ты? Яков подмигнул и посмотрел на сестру¹²;

г) Замена обстоятельства образа действия:

Цыган шел сзади, пел, не переставая, одну песню за другой.

— Хорошо поет? — спросил Алексей Соломина. Тот кивнул¹³.

д) Замена обстоятельства места:

Поп посмотрел на Ерофея и, подмигну», склонил голову направо, как бы спрашивая — *там?* Ерофей, тоже молча, *утвердительно склонил голову*¹⁴.

е) Замена обстоятельства времени:

- *Um wieviel sollen wir denn?* Er sah mich an, und ich ver-stand. daß die Zeit aus war¹⁵.

— *Когда* же, дед? — спросил я. Дед задумчиво посмотрел в окно, как бы говоря: *с рассветом*¹⁶.

ж) Замена обстоятельств причины и следствия:

— *Warum* wollen sie eigentlich nach Bochum? *Er deutete auf seine Linke.* — *Verwundet?* — *Jawohl*¹⁷.

⁷ Там же, с. 669.

⁸ Там же, с. 104.

⁹ *Welz H. Verratene Grenadiere.* Berlin, 1970, S.88.

¹⁰ Там же, с. 111.

¹¹ Там же, с. 123.

¹² *Абрамов Р.* Пряслицы. М., 1974, с. 575.

¹³ *Ежов В., Михалков-Кончаловский Л.* Указ, соч., с. 107.

¹⁴ Там же, с. 14.

¹⁵ *Welz H.* Op. cit, с. 79.

¹⁶ *Козлов В.* Поля далекие. М., 1962, с. 14. 17 *Boom K.* Es war einmal. Halle, 1961, S. 70.

¹⁷ *Boom K.* Es war einmal. Halle, 1961, S. 70.

— Und wenn nicht? Er zeigte mir mit seinen Zeigefingern einen Galgen.

з) Замена подлежащего:

— Это ты меня напла? — Qua улыбнулась и отрицательно покачала головой¹⁸.

и) Замена обоих главных членов предложения:

Hierher! Er zeigte auf einen flachen Tisch. Wir haben die Beine hinauf¹⁹.

«Отсутствие обоих главных членов предложения, — отмечает Ю. М. Скребнев, — представляет собой широко распространенную синтаксическую черту разговорного подъязыка, использующего в качестве законченных коммуникативных сегментов потенциальные второстепенные члены предложения, в частности — обстоятельства»²⁰. Определение «потенциальные» здесь весьма примечательно: так как в предложении как в таковом (т. е. в вербальной части высказывания) нет вербально выраженных главных членов, Ю. М. Скребнев логично определяет оставшиеся «коммуникативные сегменты» как «потенциально второстепенные», т. е. они были бы второстепенными, если бы присутствовали главные. Пересмотреть традиционную оппозицию «главные/второстепенные», видимо, правомерно, но только при изменении подхода к пониманию предложения вообще. Здесь возможны две точки зрения.

1. Предложением (единицей какого-либо языка) считается слово или словосочетание, представляющее собой семантико-синтаксическое единство, несущее информацию, как правило, адекватно воспринимаемую адресатом, что подтверждается его вербальной или иной реакцией. В этом случае законченным коммуникативным сегментом (предложением) может считаться лишь в е р б а л ь н ы й сегмент, выполнимый лишь с помощью другого, вербального же, сегмента. Один из сегментов (любой из них) может представлять главные, другой — второстепенные члены предложения в зависимости от коммуникативного значения отрезка. Говорящие при этом либо удерживают в памяти уже выраженную от начала до конца синтаксическую структуру, либо конструируют ее в ходе общения совместно. Например:

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Remarque E. M. Drei Kameraden. M., 1963, S. 380.*

²⁰ *Скребнев Ю. М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. — Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 3.*

— Er fürchtete sich ein bißchen. — Vor der Dunkelheit? — Vor Gespenstern»²¹.

— Ich möchte zur Abwechslung mal den offenen Himmel über den Kopf haben. — Und den sanften Regen?»²².

2. Предложением считается любой знак или сочетание любых знаков, представляющие собой семантико-синтаксическое единство, несущее информацию, как правило, адекватно воспринимаемую адресатом. В таком случае законченным коммуникативным сегментом (предложением) может считаться любой — вербальный или невербальный — сегмент или актуальный компонент ситуации, учитываемый говорящими имплицитно. Один из сегментов (любой материальной природы) может представлять главную информативную часть, другой — второстепенную. Говорящие при этом не имеют в виду какую-либо нормативную (в системе данного языка) синтаксическую структуру: сообщение (реплика) конструируется из фрагментов различных знаковых систем. Но невербальному сегменту может быть приписана роль какого-либо члена предложения (см. выше примеры замен различных членов предложения). Термин «предложение» является в таком случае условным.

Если коммуникативный акт строится с помощью различных знаков различной природы, то не имеет смысла внутри коммуникативной единицы различать главные и второстепенные члены предложения (как единицы национального языка): «главным» членом «предложения» может быть любой, несущий основную информацию, компонент; будучи, например, невербальным, он не обладает никакими формальными признаками единицы национального языка. Само «предложение» выступает здесь также не в нормативной форме или отсутствует вовсе (в качестве единицы национального языка). Например: «You sit here and discuss your sports and your young ladies and your, — he supplied an imaginary noun with another wave of his hand»²³. «Er tat erstaunt und verlegen. Sie lächelte, beruhigend»²⁴.

Если и сохранить для таких случаев термин «предложение», то целесообразно предусматривать и соответст-

²¹ *Malamud B.* Ein neues Leben, S. 24.

²² Там же, с. 23.

²³ *Fitzgerald S.* The Great Gatsby. Киев, 1973, с. 75.

²⁴ *Malamud B.* Op. cit., с. 79.

вующую оговорку. Рассмотрим типичный фрагмент диалога: «Gilley schnitt ein Bild aus der Zeitschrift aus, beschchnitt es an allen Seiten und heftete es in einen dicken Aktendeckel. — Für ein Buch. — informierte er Levin. — Illustrationen?»²⁵.

Первый говорящий, учитывая присутствие собеседника, не обозначает вербально ничего, кроме цели действий. По выраженному эллипсису можно, конечно, «восстановить» полное предложение типа Ich schneide Bilder für ein Buch aus, но оно было бы явно избыточным. Второй говорящий, уточняя цель наблюдаемых действий, формирует вопрос-эллипсис с учетом, во-первых, наблюдаемых действий, не нуждающихся в обозначении, и, во-вторых, вербальной реплики. Текст, квалифицируемый как «разговорная речь», отличается, следовательно, определенными типами деформации относительно нормы. Эти деформации мы называем «невербальными следами», так как последние локализуются в тех местах, где вербальные компоненты как бы замещаются невербальными. «Как бы» — так как процесс выражения мысли можно рассматривать принципиально иначе: невербальная внутренняя программа эксплицируется так, что вербальные средства замещают всякие иные средства общения только в случае, если последние оказываются менее эффективными и экономными при достижении коммуникативных целей.

Таким образом, не существует никакого готового нормативного текста, который деформируется «со стороны», из-за «вмешательства» паралингвистических средств. Напротив, говорящий, бессознательно, как правило, оценивает актуальную ситуацию общения и реализует (вполне материально, разумеется) некоторую коммуникативную программу, «накладывая» на нее вербальную форму. Говорящий приспособливает ее к общей схеме коммуникации, «убирая» все вербально-избыточное, дублирующее иные, невербальные средства понимания. Если надо, синтаксическая структура текста переконструируется вопреки нормам. В таких случаях, весьма редко моделируемых в художественной литературе, исследователи говорят об «окказиональных синтагмах», «случайных перестройках», «неоправданных нарушениях» и т. п. Если

²⁵ Там же, с. 16.

сравнить, например, текст рассказа А. И. Чехова «Хирургия» со зрительным рядом и текстом экранизации, то можно легко убедиться в значительной разнице: актерский текст, накладываемый на актерские действия, оказывается несравненно более деформированным по сравнению с авторским. Синтаксические нормы в тексте актеров практически отсутствуют. Не только в реакциях дядька Вонмигласова (что вполне понятно), но и в репликах фельдшера Курятина чеховский текст («Не тово... не тово... как его? Не хватайте руками! Пустите руки! Сейчас... Вот, вот...» и т. д.) актерами переконструируется почти полностью: он становится понятным в самом общем смысле и только на фоне зрительно воспринимаемой ситуации.

Нарушения синтаксических норм без внешних НВК

Нарушения нормативных синтаксических конструкций могут быть объяснены и тем, что в момент эмоционального возбуждения говорящего утрачивается эффективность механизма контроля: вербализуются фрагменты содержания по мере их готовности к выражению, причем готовность здесь не означает окончательной формально-нормативной готовности. Речь идет о готовности слова, части синтагмы, а не синтаксического целого:

— Чтоб я бросил... бросил все вещи... Тут за бесценки! Их никогда... Теперь никогда... Куда мы там... нищие.

— Твои вещи-и-и! А это вот лучше? Вера Адамовна грозно повела рукой на окно. — Так надо?

— Я... сейчас... посмотреть... окно.

— Ах... все... вы²⁶.

Афазнолог мог бы классифицировать многие предложения из цитируемого отрывка диалога как продукцию, типичную для «телеграфного стиля» в патологии речи. В смягченном виде, без особых признаков эмоционального возбуждения, можно наблюдать нормальное синтаксирование, однако со «следами» внутреннего программирования:

— Herr von Seeckt hat verfassungsgemäß die Regierung
on Weimar unterstützt. In logischer Weise. Ja. Sowohl

nach rechts wie nach links. Gegen den Kapp-Putsch, wie gegen die kommunistische Ruhr-Armee²⁷.

— Seine Ideologie? Ich habe sie abgelehnt. Ich bin Christ. Dinge wie Herrenrasse: lieber Himmel!²⁸.

Таким образом, «деформации норм текста» могут с самого начала (т. е. до готовности текста) определяться правилами внутреннего синтаксирования, отличными от норм конструирования экспрессивной речи. Сам нормативный текст является в таком случае вторичным образованием, результатом своеобразной микродиакронии. В реальной (общезыковой) диахронии мы прослеживаем этапы, близкие по характеру этой микродиакронии: вначале синтаксис текста «свободен» от строгих норм, затем он все более отдаляется в направлении кодификации (для письменных текстов), оставаясь «свободным» для разговорной речи, не зафиксированной древними литературными памятниками. Относительную «свободу» синтаксирования мы можем наблюдать лишь по письменной фиксации авторской речи в памятниках, например, древневерхненемецкого языка или даже в новонаемецком («Застольные речи» М. Лютера). В современной художественной литературе, моделирующей естественную разговорную речь, можно проследить обратную тенденцию — приближение к правилам порождения через внутреннее программирование в ущерб нормам построения текста вплоть до утраты «разговорности»²⁹.

Систематические для разговорной речи нарушения, включая и такие, которые редко или вовсе не моделируются в литературе — при всем желании авторов сделать диалог оптимально естественным — поддаются классификации. Можно предположить, что типология нарушений представляет собой одновременно типологическую нормативную систему «внутреннего синтаксиса», «синтаксиса глубинных структур», «глубинных программ». Это «внутреннее синтаксирование» представляет собой систему универсального типа, не зависящую от норм любого национального языка. В пользу такой гипотезы говорит,

²⁷ *Schneider R.* Op. cit., с. 135.

²⁸ Там же, с. 136.

²⁹ *Ивойлова В. Г., Долинин К. А.* Синтаксис драматургического диалога в сравнении с синтаксисом спонтанной речи. — В кн.: *Стилистические проблемы французской литературы.* Л., 1975, с. 224—233.

в частности, однотишное синтаксирование в жестовом языке глухонемых (построенном не на базе национального языка), «аграмматическое» синтаксирование при афазии, синтаксис детской речи (2—2,5 года), а также полученные нами экспериментальные результаты (от носителей разных языков) по перекодировке вербального сообщения в жестовое³⁰.

Важнейшими универсальными типами такого рода являются, на наш взгляд, следующие:

- 1) «нулевое обозначение» тематического субъекта действия (говорящего),
- 2) постпозиция определения,
- 3) постпозиция предлога, т. е. конструирование предложного сочетания по типу тюркских послелогов,
- 4) неразрывность блока «действие-объект», «действие-обстоятельство».

О контекстных значениях НВК

НВК, как уже отмечалось, называемые также «звуковыми жестами», давно и систематически описываются. Исследователи рассматривают исключительно (если говорить об отечественных лингвистах) словарные, т. е. орфографически кодифицированные единицы, не отражающие ни в отдельности, ни в совокупности ни действительной звуковой субстанции, ни всего разнообразия фонаций. При этом указывается обычно на «морфологическую неформленность» и на «синтаксическую изолированность» междометий. Пожалуй, только Н. Ю. Шведова занимает здесь иную позицию³¹. Тем не менее, господствующим остается мнение, что семантическая характеристика междометий может быть только глобальной или «фоновой»: междометия выражают эмоции говорящего, а не смысл сообщения, т. е. представляют собой группу «незнаменательной лексики». Естественно, что и жестовые, мимические, пантомимические компоненты сообщения при таком подходе также наделяются такими же характеристиками.

³⁰ Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974, с. 76—78.

³¹ Шведова Н. Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи. — ВЯ, 1957, № 1.

Априорное деление единиц языка на «знаменательные» и «незнаменательные», на наш взгляд, не плодотворно в принципе, поскольку значение любой единицы реализуется только в речи; любое «знаменательное» слово может быть, например, при хезитациях, «заполнителем паузы», т. е. может стать «незнаменательным», хотя в принципе и такое употребление значимо. Оказиональное словосочетание *чистое дело — марш!*, состоящее из вполне знаменательных слов, приобретает в устах старого князя из «Войны и мира» эмоциональное (причем, глобальное) значение, тогда как пометки *гм-гм!* на полях ленинских конспектов совершенно недвусмысленны и выражают оценочное (ироническое) суждение относительно данного текста.

До рассмотрения контекстных значений интересующих нас средств коммуникации обратимся предварительно к некоторым результатам более общей классификации. НВК обнаруживают себя в двух функциях:

а) сопровождения вербальной части сообщения, например: «Пивоваров помолчал минуту, что-то прикидывая про себя, потом *со вздохом* ответил: — Что ж, я схожу...»³²;

б) автономного (т. е. не зависящего от вербальной части сообщения) выражения смысла сообщения, например: «В этот раз он не смог или не захотел подавить в себе *стон*, и Пивоваров обернулся на бруствере, *метнув в его сторону испуганный вопрошающий взгляд*. — Ничего. Все в порядке»³³.

Как известно, вербальная часть сообщения может в ряде случаев интерпретироваться совершенно по-разному, в том числе и с результатом, который можно назвать опровергающим. Весьма часто интерпретация такого рода оказывается возможной только потому, что НВК сопровождения сигнализирует противоположный смысл. В таких случаях мы говорим об «ироническом замечании» или о «фальшивом тоне», о том, что «по глазам было видно, что это не так» и т. п. Такие интерпретации свидетельствуют о чрезвычайно широких автономных возможностях НВК. По своей физической природе последние распадаются на три группы:

³² Быков В. Обслюск. М., 1973, с. 136.

³³ Там же, с. 85.

- а) фонационные,
- б) мимико-жестовые и пантомимические,
- в) смешанные (т. е. включающие средства а) и б)).

Возможны и полезны подробные классификации невербальных знаков по различным субстанционным критериям (характер движения, участие тех или иных частей тела или лица в этих движениях, силовые и тоновые характеристики фонаций и пр.). Это не входит в нашу задачу. Отметим, однако, что интересующая нас семантическая характеристика прямо связана с физической природой знаков. На основании накопленного нами материала можно утверждать, например, что: 1) указательные значения реализуются, как правило, с помощью жестов; 2) описательные значения — жестами и в пантомиме; 3) значения побуждения, вопроса, утверждения и отрицания — различными знаками, включая смешанные; 4) модальные значения — фонационными средствами, но и некоторыми жестами и мимическими комплексами; 5) сложные значения, включающие указания и (или) описания совместно с выражением модальности, — смешанными средствами.

Внутри любой из перечисленных групп можно обнаружить многочисленные и разнообразные подгруппы. Для иллюстрации покажем группу «Модальные значения»:

- а) Одобрение/неодобрение:

— Die besten Schweinerippchen meines Lebens, — erklärte die Dame kühn. Alfons *nickte befriedigt*³⁴; Veronika schüttelte mißbilligend den Kopf³⁵.

- б) Согласие/несогласие:

Eine energische Handbewegung. — Also, bist einverstanden, — bestätigte Valentin³⁶.

— Und Sie? Er machte eine müde wegwischende Bewegung³⁷.

- в) Решительность/нерешительность:

Sie stand plötzlich auf. — Schon? — fragte Pauline leise³⁸. Und das von Hasses? Sie *zuckte die Achseln*³⁹.

- г) Сочувствие/равнодушие:

³⁴ *Remarque E. M. Op. cit., c. 88.*

³⁵ *Noll D. Op. cit., c. 25.*

³⁶ *Kahn S. Wohin jetzt. Erfurt, 1967, S. 44.*

³⁷ *Remarque E. M. Op. cit., c. 352.*

³⁸ *Kahn S. Op. cit., c. 51.*

³⁹ *Remarque E. M. Op. cit., c. 254.*

— Um vier kommt er wieder. *Gottfried sah mich mitleidig an*⁴⁰.

— Du kannst ja etwas ... *Aber er schwieg und blätterte gähnend in der Zeitschrift. «Ich will nicht» sagte seine Position — klar...*⁴¹.

д) Восторг/отчаяние:

— Wie? Na, gemäß doch! Und *das Gesicht überglänzt, triumphierend ließ Guste das ganze los*⁴².

е) Терпеливость/нетерпеливость:

Er unterbrach, *mit Ungeduld hob seine Hand*⁴³.

Известны символические однозначные движения, включая пантомимические, которые могут выражать, например, крайнюю степень неодобрения слов собеседника, его или своих действий (с намеком на уместившую неполноценность), а также реальную или шутливую угрозу, подтверждение искренности и т. д.: «*Guido deutete an seine Stirn und gab es auf*»⁴⁴; «*Jupp legte die Hand auf die Brust — Mein Ehrenwort*»⁴⁵.

Невербальные знаки, сигнализирующие эмоции, сопесенны, конечно, в контексте с определенными денотатами. Иными словами, выражают, скажем, не просто «восхищение», а восхищение чем-то определенным. Посмотрим на конкретных примерах конкретные денотативные возможности НВК:

«Но он не был мертв, и как только Рязанцев остановился в изголовье, *показал на стул*. Рязанцев сел.

— Что, Александр Александрович? *Что-то* нужно было *подать с тумбочки...* Рязанцев *притронулся к фотографии*: именно она нужна была умирающему. Длинным пожелтевшим пальцем он не сразу *указал на фигуру Рязанцева* в белом костюме и в белой шляпе.

— Да! — кивнул Рязанцев. — Да, да! ... Головин ... *снова показал на тумбочку*. Рязанцев подал карандаш. Острием карандаша Головин *покалывал себя*: лицо, левую руку, грудь, а едва заметным шевелением правой стороны лица *показывал, чувствовал он уколы или не чувство-*

⁴⁰ Там же, с. 203.

⁴¹ Там же, с. 111.

⁴² Mann H. Der Untertan. M., 1957, S. 314.

⁴³ Там же, с. 92.

⁴⁴ *Remarque E. M.* Op. cit., с. 145.

⁴⁵ Там же, с. 248.

вал... Рязанцев догадался и подал *часы*. Правым ухом Головин услышал ход: раз-два, раз-два, раз-два! — *удары отражались* в очертаниях его приоткрытых век. Одним глазом он видел время — Рязанцев *и это понял*»⁴⁶.

«— Молитесь как? — повторил солдат и показал на образ. Черномазый виновато улыбнулся и перекрестился... Австрийцы поднялись, надели шинели, а черномазый растерянно оглядывался во все стороны. — Аль потерял что? Тот *похлопал себя по голове*. — Шапку?»⁴⁷.

Примеры иллюстрируют экстремальные условия общения, при которых вербальная коммуникация невозможна. Но главное сейчас для нас заключается в том, чтобы показать, что НВК используется не просто в общих своих «значениях указания», «значениях вопроса» и т. п., а в конкретном акте о з н а ч а ю т: *подать, фотография, Рязанцев ли Вы?, Карандаш, чувствую укол, вижу время, слышу тиканье часов, исповедую христианство, ищу шапку* и т. д.

Легко показать, что НВК естественным образом в нормальных условиях общения также выражают совершенно конкретные или констатирующие значения (включая абстрактные) единиц, входящих практически в любой класс слов, в любую часть речи. «Guido *zwinkerte mir und hob vier Finger hoch*»⁴⁸ (означает: 400 марок): «— Hier soll ein Schuster wohnen. Ich hab' den Namen vergessen. Der Bauer *wies mit dem Finger auf das kleine Haus*»⁴⁹ (означает: «дом сапожника»). «Афонька выбросил ему карту и, делая беспечное лицо, взял себе. Все вопросительно поглядели на него»⁵⁰ (означает: «Сколько?»); «Но из-за этой же проклятой застенчивости неожиданно для себя *мотнул головой на кашу*: — Вот этого. Другая курсистка положила в тарелку каши, тоненькая подала ему ложку»⁵¹; «— Дай-ка вот этого! — приказал оп, нагло *ткнув пальцем* в бутерброды»⁵².

В последней паре примеров невербальные знаки могут показаться сопровождающими. На самом же деле один и тот же вербальный компонент «это» или «дай это» де-

⁴⁶ Залыгин С. Избр. соч. в 2-х томах, т. 1, с. 167—168.

⁴⁷ Малышкин А. Соч. в 2-х томах, т. 2, с. 93—94.

⁴⁸ *Remarque E. M.* Op. cit., с. 248.

⁴⁹ *Goetsche O.* Op. cit., с. 127.

⁵⁰ Малышкин А. Указ. соч., с. 28.

⁵¹ Там же, с. 204.

⁵² Там же, с. 206.

шифруется именно невербальным знаком каждый раз в разных значениях и с различными коннотациями:

«— Вашскородь, разрешите перекур кончать? — *Ливитин молча кивнул головой*»⁵³ (означает: «можно»); «— Дай-ка мне, Белоконь, — сказал вдруг Юрий, *протягивая руку за листком*»⁵⁴ (означает: «листок»); «— Ваш? — кивнул я на дом с террасой»⁵⁵ (означает: «дом»); «— *Ого!* — воскликнул он, с восхищением разглядывая трубку»⁵⁶ (означает «прекрасная»).

Приведенных примеров, думается, достаточно для иллюстрации выдвигаемых нами положений. Ниже представлена сводная таблица, характеризующая результаты рассмотрения 10 000 интересующих нас фактов.

Сводные данные к разделу «О контекстных значениях НВК» (материал исследования — 10 000 литературных примеров)

НВК сопровождения (I) вербальных высказываний	7 800
Автономных НВК (II)	2 200 (± 30)
	10 000
Из них: а) фонационных	1 050
б) мимических	3 200
в) пантомимических	400
г) смешанных (фонационно-жестовых и мимических)	5 350

Среди НВК(I) семантизируют контекстное значение многозначных вербальных компонентов (типа «это», «там») 4200. Остальные 3600 либо дублируют вербальную часть сообщения, либо привносят коннотативные значения (усиления, ослабления и др.) 100% автономных НВК (2) выполняют функции конкретных номинаций ситуативных составляющих.

Невербальными средствами выражаются следующие обобщенные значения компонентов сообщения:

а) Указательные	1 620(± 30)
б) Описательные	700
в) Побуждения	900
г) Вопросы	700
д) Утверждения	2000

⁵³ Соболев Л. Капитальный ремонт. М., 1972, с. 358.

⁵⁴ Там же, с. 91.

⁵⁵ Солоухин В. Избр. произведения в двух томах, т. 1. М., 1974, с. 28.

⁵⁶ Нагибин Ю. Избр. произведения в 2-х томах, т. 1. М., 1973, с. 82.

е) Отрицания	2000
ж) Модальные	960
з) Сложные (напр., «вопрос—недоумение»	1 020
и) Символические (модель «угрозы» и др.)	100

Всего: 10 000

Попробуем — также с помощью литературных примеров — показать, что вербальная часть сообщения обычно «накладывается» на предварительно развернутую схему НВК, так что «сопровождающие НВК» на деле реализуются в акте коммуникации раньше вербальных: «Дверь открылась, и в купе с коридорного света *глянуло рассерженное лицо зеленоглазой проводницы*: — Чего вам еще?»; «*Тоненькие бровки удивленно и чуть обиженно выкружились*: — Кто же бреется на ночь глядя?»⁵⁷; «*Она поглядела на меня пронизательным, взрослым, чуть саркастическим, очень сложным взглядом, осуждение сочеталось в нем с пониманием и еще чем-то, не сразу разгаданным мной*. — Любви вам нужно, вот чего!»; «*Она хищно и цепко уставилась на меня, будто ожидая возражения или усмешки, она глядела, как рысь, готовая к прыжку*. — Не верить!»⁵⁸; «*Und zum erstenmal nach langer Zeit sah Katrin wieder etwas in seinen Augen aufblitzen, was vielleicht Spott, ein gutmütiger und sehr liebevoller Spott sein möchte: Alte Geschichten? Auf keinen Fall! Neue, ja!*»⁵⁹.

В данных примерах очередность НВК и ВК определяется не произволом автора, а естественным механизмом общения: ведь интонационная схема формируется раньше, чем реализуются найденные лексические единицы. То же следует сказать и об эмоциональных выразительных движениях любой физической природы: они манифестируются в акте общения с различной силой, но явно раньше, чем вербальная часть.

В одном из наших экспериментов на 46 испытуемых⁶⁰ предлагалось сконструировать несколько сообщений с использованием произвольной (но естественной для каж-

⁵⁷ Нагибин Ю. Пик удачи. М., 1975, с. 9, 10, 15, 67.

⁵⁸ Там же, с. 73, 99, 100, 101, 104.

⁵⁹ Claudius E. Menschen an unserer Seite. Berlin, 1956, S. 396.

⁶⁰ В качестве испытуемых привлекались студенты и лица 26—34 лет (профессиональные художники, рабочие и летчики).

Таблица 3

Образец сообщения	ВЧ	НВК	Временной интервал в сек.	Число испытуемых
1. «Кто это с вами?»	«С кем это вы пришли?»	Движение головой в сторону воображаемого собеседника. Мимика «вопроса и удивления» —	0,5	14 (30%)
		(То же)	0,3	14 (30%)
		Мимика «неодобрения», моделирующее движение пальцами	=	11 (24%)
		Фонации	0,3	7 (20%)
2. «Разве можно прикрепить картину такими маленькими гвоздиками?»	«Куда годятся такие маленькие шурупы?»	Мимика «неодобрения», моделирующее движение пальцами	0,3	20 (43%)
		Фонации	0,1	20 (43%)
3. «Такая машина при такой ширине двери, конечно, не пролезет».	«Нечего и думать, что в такую дверь пройдет такой шкаф».	Жесты, моделирующие размеры	=	6 (14%)
		Мимические знаки «рассерженности» или «нетерпения». Отмахивающийся жест.	=	23 (50%)
4. «Вы говорите форменную ерунду, этого не может быть!»	«Чепуху вы говорите, глупость!»	— (То же)	0,1	23 (50%)
		Мимические знаки «рассерженности» или «нетерпения». Отмахивающийся жест.	0,5	34 (74%)
5. «Очень неуютно у вас здесь!»	«Грязно очень, запущено...»	Гримаса «неудовольствия», фонации «отвращения». Неопределенные жесты (иногда указательные)	=	11 (24%)
		Гримаса «неудовольствия», фонации «отвращения». Неопределенные жесты (иногда указательные)	0,3	20 (43%)
		Моделирующий жест пальцами, мимика «двузначная»	0,1	20 (43%)
6. «Очень вкусно, только к рукам прилипает».	«Нравится, но к пальцам липнет».	Моделирующий жест пальцами, мимика «двузначная»	=	8 (14%)
				46 (100%)

ного) мимико-жестикуляционной программы. Предварительно испытуемые получали образцы вербальных сообщений без обозначения НВК. В табл. 3 представлено описание выполнения заданий, где обозначено время появления вербальной схемы, т. е. временной интервал между моментом выразительного движения и началом

внешней речи. Если внешняя речь начинается одновременно с реализацией выразительной программы, в таблице ставится знак «=», если невербальная схема манифестируется позднее внешней речи, перед описанным НВК ставится знак «—». НВК — невербальный знак, ВЧ — вербальная часть.

Попутно заметив, что НВК способны выражать в приведенных примерах экстенциональные (в ряде случаев — интенциональные) значения атрибутивного, пейоративного, диминутивного и других типов, оценим итоги эксперимента:

Случаев предварительного выражения НВК	59,30% случаев (средн.)
Случаев одновременного оформления вербальной и НВК	37,70% (средн.)

1. Учитывая, что испытуемые конструировали в искусственных условиях эксперимента не актуальные для них сообщения, не обладали актерскими профессиональными возможностями, а средства измерения времени появления вербальных и невербальных составных сообщений были слишком просты (секундомер), из-за чего мало-выразительные движения могли быть не зафиксированы вообще, мы считаем, что опыт подтвердил (даже на основании приведенных итоговых данных) нашу гипотезу: вербальная часть сообщения *накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации*. Это мы считаем основным выводом по данной главе.

2. НВК разной природы и различных разрешающих возможностей, не будучи языковыми, являются речевыми компонентами, способными в акте коммуникации реализовать языковые функции, выступать в качестве означающих тех денотатов, которые в данном контексте не требуют обязательных вербальных обозначений.

3. В описаниях языков отсутствуют более или менее достаточные передачи фонаций, превышающих по количеству и различающихся в своих характеристиках гораздо больше, чем кодифицированные междометия. В языке нет, разумеется, невербальных знаков, но нет и достаточных средств для их адекватного описания. Поэтому, в частности, киносценарий менее информативен, чем фильм, по нему поставленный, — как и пьеса (текст) по сравнению со спектаклем.

4. Наш материал, по-видимому, подтверждает правильность точки зрения Гудмана, полемизируя с которым Н. Хомский писал: «По Гудману, первичные символические системы — это зачаточные доязыковые символические системы, в которых жесты и сенсорные и перцептуальные явления всех видов функционируют как знаки... Но очевидно, что доязыковые символические системы не могут быть использованы для того, чтобы объяснять и обучать в том смысле, в каком 1-й язык может быть использован при обучении 2-му»⁶¹. Следует, однако, указать, что «доязыковая символическая система» оказалась достаточной для становления (включая «объяснение и обучение») 1-го языка; в противном случае мы должны были бы признать существование этого первого языка в современном его качестве, отказавшись от идеи развития в языкознании. Однако то разъяснение, которое Н. Хомский дает в цитированной работе (включая теории эллипсиса Санктиуса) своей трансформационной концепции («лежащая в основе глубинная структура „дана уму“, а сигнал с поверхностной структуры — „телу“») ⁶² полностью нами принимается.

5. Наш материал, по-видимому, подтверждает также мнение Р. Арнхейма, что «...восприятие заключается в образовании «перцептивных понятий»... Данный термин указывает на поразительное сходство между элементарной деятельностью чувственного восприятия и более высокой деятельностью логического мышления... В настоящее время можно утверждать, что на обоих уровнях — перцептивном и интеллектуальном — действуют одни и те же механизмы»⁶³. «Перцептивное понятие» Р. Арнхейма (и «протопонятие» А. Валлона) невербально «обозначено» в аппарате мозга. В зависимости от того, переходит ли это «понятие» в интеллектуальную сферу, оно может (не должно!) либо перекодироваться в обобщенный знак языка, либо в универсальный невербальный, чувственно воспринимаемый, знак естественной (мотивированной) природы. Описательный жест есть, как и звукоподражание, непосредственное воспроизведение «перцептивного понятия», «перцептивного

⁶¹ Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972, с. 100.

⁶² Там же, с. 28—29.

⁶³ Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. Сокращ. пер. с англ. М., 1947, с. 58—59.

суждения» и пр. в виде их моделей в функции коммуникации. Есть типы жестов, типы фонаций, пригодные для контекстного обозначения разных конкретных денотатов, входящих в те или иные классы элементов объективной реальности, представленных классами единиц языка.

6. Микродиахрония порождения текста обнаруживает закономерности, общие с онтогенетическим развитием речи. «Нам не удалось обнаружить той самостоятельности, которую мы приписывали речевому развитию ребенка,— пишет Л. Ф. Обухова. — ... Возникновение эмпирического знания имеет собственную логику развития и своеобразное отношение словесного и наглядного планов деятельности...»⁶⁴ Ранее мы отмечали, опираясь на данные специалистов, что словесный отчет ребенка о проделанных им действиях иногда невозможен, иногда затруднен, но всегда беднее самих действий, тогда как пантомимическое воспроизведение — достаточно полно и подробно. Таким образом, символически-описательные пантомимы (некоторые нами даны в примерах выше), указательные жесты, эмоциональные реакции и пр. — суть рудименты самой практической деятельности с предметами, о которых идет речь. Сам механизм учета в акте коммуникации совместно с партнером ситуативных условий — это один из видов совместной деятельности, делающей ненужным номинацию того или иного элемента реальности (рождение конситуативного эллипсиса).

7. Деформации (синтаксические) текста «вызываются» адаптацией вербальной деятельности к невербальной схеме коммуникации.

⁶⁴ Обухова Л. Ф. Этапы развития детского мышления. М., 1972, с. 84—85.

Глава IV

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ РЕЦЕПЦИИ ТЕКСТА

«Речевые тексты» могут быть совершенно различными с точки зрения условий их порождения и восприятия, их значимости, их информативности; различны и характеристики их рецепции. Нетрудно показать, например, что при обмене «ритуальными клише» не осуществляется эффективное акустическое опознание текста: достаточно заменить *здравствуйте* на *трости нет*, как *дела* — на *кадиллак* или даже *спасибо*, *хорошо* — на *спасу нет*, *плохо* — лишь бы замены производились в рамках «уместной» интонаемы, в рамках обычного паралингвистического фона. Очевидно, языковой знак выступает в данных условиях как первосигнальный раздражитель, сопровождающий значимую ситуацию. Но и при восприятии явно значимой и гораздо более сложной языковой информации, мы имеем дело, очевидно, не только с восприятием собственно текста.

Когда говорят о вероятностном прогнозировании в процессе понимания речи на слух (аналогичные условия можно создать и при зрительном восприятии текста), следовало бы иметь в виду в первую очередь не механизм ожидания наиболее вероятного звука (в данном звуко-ряде), наиболее вероятного слова¹, а механизм готовности к восприятию ожидаемого в данной ситуации семантически адекватного сообщения, в отличие от любого другого.

Конечно, известные эксперименты по вероятностному прогнозированию прекрасно показали, что, например,

¹ Существует и антиципация слова как элемента «чистой формы»: вспомним из «Евгения Онегина»: «Читатель ждет уж рифму розы». При всей иронии Пушкина, поэт и опытный читатель всегда антиципируют тот или иной элемент формы, содержательной для искусства.

после *взб* в русском слове следует скорее ожидать *е*, *у*, *и*, чем *ю* и *щ*. Показано также, что после *взбирались* следует ожидать скорее *на гору*, чем *в колбу*. Но, как правильно, на наш взгляд, предполагает Дж. Фланаган, временные интервалы и механизм обработки поступающей информации могут быть совершенно различными — в зависимости от того, контекстуальна ли она или представлена в виде изолированных стимулов, даже если последние являются звуками речи². Понимание родителями речи ребенка, который не овладел фонологической системой родного языка и грубо ее нарушает, восприятие речи с грубым иноязычным акцентом, а также понимание ребенком речи взрослых основано, по-видимому, также не на опознавании последовательности звуков, не на ее прогнозировании, а на ожидании высказывания, наиболее вероятного по смыслу в данных условиях общения. В связи со сказанным нам следует обратиться к теории установки, объясняющей, как нам кажется, механизм антиципации (предвосхищения) того, что будет воспринято.

Психологи школы Д. Н. Узнадзе не все одинаково развивают положения самой главы школы. Нашему пониманию сущности явления более других отвечает формулировка, данная Г. Н. Кечхуашвили: «Установка — это целостно-личностное состояние или предуготовленность к актуальному регулированию поведения как отражения действительности. Каждая актуальная установка субъекта является не только более или менее дифференцированным «планом» будущего поведения в каждом конкретном случае, но также носит на себе некоторый обобщенный отпечаток прошлого опыта относительно данной ситуации»³. Практический опыт, рассматриваемый как умение ориентироваться в реальной действительности, есть по существу отражение в памяти типологии ситуаций. При бесконечности конкретных ситуаций, никогда не повторяющих друг друга во всех деталях, типологический перечень их может быть составлен и описан подобно типовым

² Фланаган Дж. Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1968, с. 310.

³ Кечхуашвили Г. Н. Об одной объяснительной модели восприятия речи. — В кн.: Планы и модели будущего в речи. Тбилиси, 1970.

сюжетам литературных произведений, названных А. Н. Веселовским «бродячими сюжетами»⁴.

На ранних стадиях онтогенеза человеку приходится сталкиваться сразу с огромным многообразием ситуаций, однако лишь небольшое число их связывается с кругом его собственных потребностей, остальные остаются вне «поля зрения». Тогда мы говорим, что он «этого еще не понимает». Повторение актуальных (с точки зрения его потребностей) ситуаций не только закрепляет определенные типологические характеристики, но и формирует готовность к определенному типу ответной реакции, готовность к последовательному ряду действий, соответствующему последовательности событий, составляющих данный тип ситуации. Далее, поскольку в обычном случае ситуация общения ребенка со взрослыми включает речевое действие взрослого, у ребенка с самого раннего детства развивается готовность к восприятию речи, готовность, которая заложена генетическим кодом как способность к звуковому контактированию (гуление, напомним, выражено и у глухонемых от рождения детей). Вербальные действия взрослых, являясь частью других действий, направленных на ребенка, естественно, связаны с последними по смыслу. Чаще всего речевая продукция матери представляет собой констатацию ее практических действий. Поэтому неосознанно с самого начала развития ребенка формируется его внимание к звуковой части акта общения, которая постепенно приобретает сигнальное значение данной ситуации. Знакомая (т. е. узнаваемая по сложившемуся типу) ситуация соединяется в памяти с соответствующим речевым актом как наиболее вероятным для данной типовой ситуации. Именно к типичному речевому стимулу и оказывается подготовлен ребенок в момент общения. Таким образом, формирование установки на восприятие и понимание речи, как и формирование любой установки, определяется многократным сопереживанием ситуации, а реализация установки осуществляется подсознательно еще до появления возможности детального анализа стимула.

В классическом опыте испытуемые получали в левую руку менее тяжелый шар, чем в правую или наоборот.

⁴ Мы лишь отчасти разделяем критику идей А. Н. Веселовского, предпринятую в свое время В. М. Жирмунским в Предисловии к «Исторической поэтике» под его же редакцией (Л., 1940. Изд. 3. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.)

После 10—15 предъявлений такого рода испытуемые стали получать в обе руки одинаковые по весу и размеру шары, однако оценивали их вес по-прежнему — в левой (правой) руке шар легче. Примерно то же самое наблюдается и при оценке ребенком обращенной к нему речи: он готов принять соответствующий стереотип, реагирует на стимул как на ожидаемый и не сразу понимает, что ошибся. Согласно концепции опережающего отражения реальной действительности (Н. А. Бернштейн и П. К. Анохин) — «реакция на стимул» уже подготовлена до появления последнего и поэтому не является в строгом смысле реакцией. Вот почему теория установки принципиально отвергает упрощенную бихейвиористскую схему поведения «стимул—реакция». При понимании речи слушающий выдвигает ряд наиболее вероятных гипотез относительно смыслового содержания того, что будет им воспринято в речи партнера. Гипотеза формируется оценкой наличной ситуации на основе общей установки, соответствующей типу ситуации, реально отражаемым речевым стимулом. Последний может либо подкрепить, либо скорректировать, либо радикально изменить первоначально сформировавшуюся гипотезу. Во всяком случае, как показывают эксперименты, «в процессе смыслового восприятия механизм подтверждения мозгом гипотезы срабатывает раньше механизма последовательного поэлементного сличения физических (акустических. — *И. Г.*) характеристик стимула с релевантными им признаками эталонного образца»⁵. Поэтому мы согласны с мнением, что «установка... определяет тактику поведения, которую избирает индивид в той или иной ситуации, между тем как вероятностное прогнозирование и прицельные механизмы, результирующие в преднастройке, являются функциями избранной тактики»⁶.

Обратимся к экспериментальному подтверждению с целью иллюстрации сказанного и характеристики некоторых подробностей явления антиципации будущего высказывания при восприятии речи. Предварительно отметим только весьма важное, на наш взгляд, различие, су-

⁵ Зимняя И. А. Вероятностное прогнозирование в смысловом восприятии речи. — В кн.: Планы и модели будущего в речи, с. 17.

⁶ Фрумкина Р. М., Добрович А. Б. О влиянии установки на механизмы вероятностного прогнозирования при восприятии речи. — Там же, с. 37.

ществоющее между процессами восприятия речи только на слух и при наличии визуально воспринимаемого говорящего. В последнем случае слушающий, как правило, старается еще быть и «смотрящим». Он «считывает» дополнительную информацию с лица говорящего.

А. Р. Лурия сообщает об экспериментах Г. В. Гершуни, результаты которых «открывают для научного познания круг „подсознательных явлений“»⁷. Речь идет о фиксации нашими зрительными и слуховыми рецепторами таких микроизменений объекта, которые не попадают в поле ясного сознания. Их учет производится позднее и подсознательно, в результате чего фиксируемые изменения субъективно оцениваются как «интуитивно познанные».

Эксперимент, который мы хотим ниже описать, исходит из допущения, что объяснение Левина с Кити в романе «Анна Каренина» имеет значение не только как литературный, но и как научный факт. Напомним этот эпизод. Левин и Кити пишут поочередно инициальные буквы слов, шифруя весьма сложные предложения:

Левин: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т?

Кити: т, я, и, м, о, и. И далее: ч, в, м, п, и, п.

Толстой пишет, что «не было никакой вероятности, чтобы она (и, очевидно, чтобы Левин тоже. — И. Г.) — могла понять эту сложную фразу». И все же — по роману — и Кити, и Левин расшифровали предложения верно. Мы попытались опытным путем создать ситуацию, в которой бы испытуемые могли также расшифровать сообщение, зашифрованное инициальными буквами. Предварительно был поставлен контрольный опыт: испытуемые (28 человек в возрасте от 23 до 41 года) должны были расшифровать предложения Кити и Левина. Опыт расшифровки, как и следовало ожидать, не удался, несмотря на знание романа и ситуации объяснения. Затем экспериментатор зачитал короткую (78 слов) информацию об опытах обучения дельфинов пониманию человеческой речи. Информация вызвала интерес, который в дальнейшем в течение 10—15 минут поддерживался и развивался в ходе беседы на ту же тему. Такие беседы проводились в течение четырех дней подряд. После заключительной беседы испытуемым было предложено «развлечься» и провести опыт на расшифровку. Были

⁷ Лурия А. Р. Курс лекций по общей психологии. М., 1964.

розданы карточки с зашифрованными фразами, на которых затем записывались результаты расшифровки. Результаты:

Шифр	Содержание	Верные ответы	Время решения
к, т., (в), д, и, д, н, г?	Как ты (Вы) думаете, могут дельфины научиться говорить?	21	2 мин.
к, в, (т), д, о, д, и?	Как Вы (ты) думаете, обла- дают дельфины интеллектом?	19	3 мин.
к, т, з?	Как тебя зовут?	—	8 мин.
к, и, д?	Как идут дела?	—	8 мин.

Показательно, что последняя фраза (в шифре) интерпретировалась всеми без исключения испытуемыми в таких вариантах:

Как(ие)...дельфины?	12 чел.
Куда...дельфины (дельфинов)?	6 чел.
Как испытывают дельфинов?	8 чел.
Киты или дельфины?	2 чел.

Данные опыта свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что выбор решений в пределах обсуждавшейся ранее темы и высокий процент «попаданий» объясняются реализацией установки, созданной ранее широким вербальным контекстом.

Кратко остановимся на проблеме подтекста, имеющей прямое отношение к исследованию нашего вопроса. По мнению К. Паустовского, ссылающегося в одной из статей на Хемингуэя как на мастера подтекста, «как это (подтекст. — И. Г.) делается, объяснить очень трудно»⁸. В статье анализируется рассказ «Белые слоны», при внимательном чтении которого выясняется, что К. Паустовский не совсем прав, говоря, что в тексте «нет ни слова», указывающего на суть разговора между персонажами, «но читая этот разговор, вы прекрасно понимаете, о чем они думают». В действительности слова *операция*, *уксл*, словосочетания *суций пустяк*, *все будет хорошо*, а также весь текст в целом, указывающий на характер отношений между говорящими мужчиной и женщиной, дают читателю вербальную информацию, достаточную для оформления определенной гипотезы. Другое дело — но об этом К. Паустовский не говорит — что, например, ребенок, прочитавший рассказ, не усмотрит в нем того, что взрос-

⁸ Паустовский К. Из ранних лет. — Новый мир, 1970, № 4, с. 135.

лый читатель. Следовательно, суть подтекста заключается в том, что с помощью некоторой вербальной информации (текст) в сознании читателя оживляются такие смысловые связи, которые уже были в его прежнем опыте. Можно проверить сказанное экспериментально, предложив испытуемым с различными «тезаурусами» истолковать такой текст: «Он выглянул из окна и увидел прижавшуюся к бордюру темную автомашину. Слабо светились подфарники. Кто-то, как ему показалось, щелкнул зажигалкой. Тогда он вернулся к столу, достал пакетик с желтыми таблетками, взял одну, потом, помедлив, вторую. „Так будет скорее“, — подумал он». Для постоянных читателей детективов, как показал наш опрос, описанный эпизод можно назвать только «сценой самоубийства»; ссылаются при этом на общую атмосферу «таинственности и безвыходности», на фразу *Так будет скорее*, связанную с таблетками и с тем, что персонаж *помедлил*, прежде чем взять две таблетки («значит, они опасны»). Для тех, кто слабо знаком с жанром, в котором выдержан текст, эпизод не был ясен.

В человеке воспитывается с самого начала жизни навык распределения внимания между вербальной и невербальной частями коммуникативного акта, всегда включенного в более широкую сферу, чем собственно речевая деятельность. Участники коммуникации подсознательно осуществляют учет информативной ценности обеих частей. Поэтому избыточность в какой-либо части как бы игнорируется в соответствии с принципом экономии усилий, а «недостающая» доля необходимой информации в одной части восполняется за счет другой. Так понимается, например, эллипсис⁹. Таким образом, усвоение текста является двуплановым процессом; в противном случае мы не могли бы судить об истинности или ложности высказывания, ибо оценка высказывания в этом плане состоит в сличении смысла вербальной информации со смыслом, полученным по другим каналам. Известен случай с В. Маяковским, который, проходя по улице прочитал вывеску «Сказочные материалы», затем, вернувшись, убедился в том, что вывеска гласила: «Смазочные материалы». Здесь налицо проверка вербального сигнала на вероятность в данной ситуации.

⁹ Имеется в виду конситуативный эллипсис.

Рецепция речи представляет собой процесс, в котором параллельно и при взаимодействии осуществляется: а) восприятие формы, б) восприятие содержания сообщения, в) восприятие ситуации общения. В самом начале коммуникативного акта¹⁰ имеет место установочная ориентация реципиента, исходящая из прошлого опыта общения, в результате которой реципиент выдвигает некоторые гипотезы относительно содержания будущего сообщения. Рецепция дополнительной невербальной информации (включая и обработку на субсенсорном уровне), получаемой от ситуации общения и от говорящего, может иногда оказаться достаточной для усвоения главного в содержании, еще не реализовавшегося в собственной речи («по глазам вижу, что вы хотите сказать»). В обычном случае учет невербальной информации, включая «информацию от ситуации общения», корректирует усвоение содержания, данного вербально.

Если сообщение достаточно сложно, и гипотеза, выдвинутая в начале акта коммуникации, не подтверждается, то реципиенту необходимо продолжать прием звуковой формы. Однако возможность вероятностного прогнозирования формы позволяет осуществлять ее рецепцию в порядке реконструкции, «узнавания», а поэтому может иметь место игнорирование нарушений формы в определенных пределах. Сохранными должны быть отрезки, в которых локализуются опорные семантические узлы.

Усвоение содержания сообщения заключается в соотношении вербальных сигналов с единицами наглядного кода внутренней речи (УПР) и с результатами отражения ситуации в момент общения. Соотнесение это производится либо автоматически («стереотип речи» — «смысловой стереотип»), либо аналитически — при усвоении нового содержания. Последний случай предполагает выбор соответствующей единицы наглядного кода или новую комбинацию из ряда готовых единиц. Момент соотношения вербального сигнала с единицей наглядного кода или с элементом актуальной ситуации есть момент фиксации одного из значений вербального знака.

Второсигнальная система моделирует только форму вербальных знаков и управляет речедвижениями, соот-

¹⁰ Здесь опускаются обязательные этапы формирования установки на а) коммуникацию вообще и б) на речевую коммуникацию, без чего, как показывают наблюдения, речь вообще может не восприниматься, восприниматься как «шум» и т. п.

ветствующими программам развертывания и сочетания знаков. Внутри этой системы не может производиться выбор единицы наглядного кода, а внутри системы УПК нет вербальных форм и алгоритмов их сочетания. Поэтому следует согласиться с мнением проф. Н. И. Жинкина о существовании «специальной зоны, связывающей блоки интеллекта и языка», семантической зоны.

Экспериментально выясняется, что возможно совмещение двух операций по переработке одновременно поступающей разносмысловой и разнокодовой информации (вербальной и изобразительной, вербальной и музыкальной), а также совмещение двух операций по переработке одновременно поступающей разносмысловой однокодовой (вербальной) информации, если совмещаемые сообщения адресуются разным (зрительному и слуховому) анализаторам. В последнем случае (одновременная переработка однокодовой информации, адресованной разным анализаторам) возможно совместить: а) переработку формы одного сообщения в отрыве от его содержания и б) переработку другого сообщения в связи с его содержанием. А это означает, что операции над формой не всегда обязательно индуцируют ее декодирование, т. е. «извлечение смысла». Они могут быть направлены на перевод в другие формальные операции, например, в репродукцию формы ручной моторикой (набор, перепечатка на машинке). Поскольку совмещение указанных операций происходит без интерференции, можно предположить, что они осуществляются в разных системах. Если одна из них обязательно предполагает участие речевой моторики, то другая такого участия не предполагает.

Антиципация содержания при рецепции речи и антиципация формы речевого высказывания не синхронизируются. «Далекое упреждение текста, как правило, происходит без реализации всех слов предстоящего текста» (Н. И. Жинкин). Реципиент часто отмечает, что знает, «что именно ему собираются сказать» и — гораздо реже — «как будет сказано». Антиципация формы работает на более близком расстоянии. Это значит, что лингвистически описываемые единицы речи не совпадают с единицами УПК, с единицами «смысла». Несовпадение подтверждается также тем фактом, что некоторому смысловому инварианту соответствует ряд лингвистических единиц (синснимы) разного уровня, а одной лингвистической единице приписывается ряд «смыслов» (полисе-

мия). Кроме того, практически любая лингвистическая единица может получать в контексте любой смысл (*он, шофер, бас, полушубок* могут обозначать один и тот же денотат)¹¹. Следовательно, осмысление текста (как и любой интеллектуальный акт) не может быть сведено к моделированию внешней речи латентными (речевыми же) движениями: вербальный сигнал не имеет готового значения. Далеко не каждый элемент реальной действительности, учитываемый в интеллектуальном действии, назван в языке или подлежит номинации. Его учет, следовательно, не может осуществляться в коде речедвижений.

Мы совершенно согласны с мнением В. М. Павлова, что «по-видимому, человек способен создавать отношение мысли, как она частично дана в смысловой стороне языка и как частично в речи создается наново в ориентации на объективный предмет мысли, к самому предмету мысли»¹². Интересно, что исследование процесса рецепции речи проявляет, как нам представляется, этот момент соотношения мысли, импульсируемой, скажем, знаком языка, с объективным ее предметом, который отчасти уже назван (или «вызван» системно-языковой ассоциацией?), а отчасти отыскивается через ориентировку в ситуации как таковой, «не попадающей» в процесс собственно речевой деятельности. Наиболее ярко этот момент проявляется в процессе прогнозирования смысла того, что еще не появилось в речи, в процессе антиципации речевого сообщения¹³. Всякое прогнозирование субъективно возможно, понятно, только в том случае, если в сознании (и подсознании) субъекта создана своеобразная «типологическая характеристика» на взаимные связи наиболее существенных звеньев цепи, на данную в прошлом опыте последовательность звеньев. Вероятностное прогнозирование

¹¹ Кроме того, в экспрессивной функции «может выступать практически любое слово языка», а не единица из набора специальной «экспрессивной лексики» (*Гридин В. П.* Указ. соч., с. 20).

¹² *Павлов В. М.* Проблема языка и мышления в трудах В. Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. — В кн.: *Язык и мышление*. М., 1967, с. 158.

¹³ *Горелов И. Н., Елина Н. Г.* Антиципация в процессе восприятия сообщения. — В кн.: *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи*, вып. V. Горький, 1974; см. также статью тех же авторов в «Материалах V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации» (М., 1975, с. 109—113).

ние тем результативнее, чем более жестки последовательности звеньев, чем богаче прошлый опыт «типологии связи». «Мы не думаем, мы ожидаем»¹⁴ — так сформулировал Б. Рассел свое отношение к значению механизма прогнозирования в человеческом поведении. Хорошо известны работы Р. М. Фрумкиной, А. П. Василевича и др. в области прогнозирования формы, т. е. знаков разноразмерной принадлежности¹⁵. Пока что, к сожалению, нет работ в области исследования прогнозирования содержания — будь то реальная событийность или же событийность, обозначенная в тексте.

То, что в речевой деятельности прогнозирование содержания и формы — разные процессы, видимо, не всегда очевидно, хотя типичные ошибки в работе наборщика, машинистки (типа *неприступная башня* вместо *неприступная богиня*) показывают, что вероятность появления элемента башня после элемента *неприступная* выше, хотя в контексте «Евгения Онегина» (т. е. в содержательной цепи), где характеризуется Татьяна, *неприступная башня* — невозможное сочетание. Внутри клише возможна антиципация конкретного элемента («высокая — сознательность/производительность, честь»), но при этом надо знать, из какого функционального стиля клише. В общем же случае без предварительного содержательного анализа предшествующего текста формальная антиципация чрезвычайно ограничена, что подсознательно прекрасно используется, например в поэзии, когда достигается эффект «новизны формы» (в блоковской строке *Ломать косям тяжелые крестцы*), что делает строку уникальной, а возможности антиципации сводит к нулю. То же можно сказать и о строке Маяковского *Улица корчится, безязыкая*. Гораздо проще, казалось бы, обстоит дело с разговорным языком, где нет окказиональностей (нарочитых), но уже отрезок *дай...* предполагает даже без учета вводных (пожалуйста), наречных и атрибутивных компонентов огромное количество альтернатив внутри разных классов слов (*поесть; почитать* и т. д.; *сигарету, книгу, спичку* и т. д.; *ему, ей, мне*). В реальной же разговорной ситуации антиципация реплики партнера — три-

¹⁴ Цит. по кн.: Бобнев М. И. Техническая психология. М., 1966, с. 98.

¹⁵ См., например: Прогноз в речевой деятельности. М., 1974 (там же — библиография по проблеме).

виальный факт только благодаря осмысленности, т. е. соотнесенности вербального компонента с элементами известного партнерам экстралингвистического компонента коммуникации.

Конкретная ситуация резко ограничивает (содержательно) число альтернатив — не только в сфере классов знаковых элементов, но и в рамках «семантического поля». В конкретной ситуации упомянутый отрезок *дай...* может ограничиться продолжением *ручку/карандаш* при исключении других знаков того же класса (*книгу, лампу, сковороду* и т. п.). Если в будущем можно было бы описать типологию ситуаций, то отбор соответствующих им вербальных сообщений был бы существенно облегчен; устройству, моделирующему человеческое общение, не пришлось бы перебирать бесчисленное количество вариантов «вообще возможных реплик», правильно составленных с точки зрения языковой нормы. Достаточно было бы перебрать варианты внутри данной речевой ситуации.

В обычном («событийном») тексте вдумчивый читатель (слушатель) находит, очевидно, «смысловые вехи», «ключевые слова», позволяющие выдвигать и корректировать в процессе восприятия гипотезы относительно содержания: чтение при этом может быть в нормальном случае настолько ускоренным, что дефекты формы (например, опечатки) не замечаются. Могут быть пропущены и стилистические огрехи, даже (при определенных условиях) отдельные значимые частности. Но сознание бдительно следит за логикой событийности, за достоверностью характеристик. По прочтении более или менее значительного (по объему и качеству) произведения, как правило, в памяти остаются общее содержание, значительные (по содержанию) эпизоды частного порядка, наиболее впечатляющие формальные моменты. Но в наших опытах, подробное описание которых мы опустим, слушающие даже небольшой по объему сюжетный текст (50 строк) не были в состоянии ответить на вопросы, касающиеся фактов употребления в тексте того или иного конкретного слова, взятого экспериментатором из соответствующего ему синонимического ряда или семантического поля, хотя прекрасно (по содержанию) пересказали текст в целом.

Показательно в этом смысле одно из предложений, входивших в текст: «Среди гостей... собралось несколько

избранных личностей, хорошо известных в этой среде или упоминаемых в газетах, в общем люди весьма любезные, с которыми придется беседовать за обедом о театре или о кино». На вопрос экспериментаторов, были ли в тексте слова *знакомые, публиковать, стол, разговаривать, еда, фильм*, почти 100% испытуемых ответило положительно (по всем словам). На вопросы относительно слов *несколько, упоминаемых, обед, кино, любезные* было дано около 60% отрицательных ответов; положительные ответы отличались неуверенностью. Видимо, в памяти фиксируется некоторая инвариантная цепь значений, составляющих общий смысл, а не последовательность конкретных слов и не текст в его определенной речевой форме. Очевидно, методика скорочтения основана на механизме эвристического фильтра, через который пропускается вербальная информация, немедленно преобразующаяся в мозге в единицы «значений», сводимые в систему «смысла», не привязанные обязательно к определенным единицам языка, могущим обозначать их (значения и смысл). Если слово («ключевое», «смысловая вежа») способно импульсировать в сознании (или подсознании) читателя определенные содержательные ассоциации, то, очевидно, можно попытаться выяснить, каким образом название литературного произведения (т. е. слово или словосочетание) может способствовать антиципации содержания (самого общего, конечно, которое лучше назвать «содержательной схемой»). Попутно, очевидно, выяснится и ряд других факторов, определяющих уровень прогнозирования. На основании обучающих экспериментов, проведенных Н. Г. Елиной¹⁶ (Магнитогорский пединститут) в 1970—1975 гг., можно прийти к выводу: несмотря на то, что названия литературных произведений объективно способны различным образом влиять на характер антиципации содержания, решающую роль в формировании содержательной гипотезы играет субъективный фактор — тезаурус читателя и степень его подготовленности к сознательному ориентированию в тексте по названию.

Практический вывод, который был сделан, заключался в разработке специальной методики ориентирования и общеобразовательной подготовки студентов, предшествую-

¹⁶ Горелов И. Н., Елина Н. Г. Антиципация в процессе восприятия сообщения, с. 26—37 и 109—113.

щей началу работы над определенным литературным источником. Указанная методика ориентирования предполагала типологическое описание книжных названий, которое предлагалось студентам затем для решения задачи — может или не может данное название вообще служить основанием для содержательной гипотезы. Познакомимся с упрощенной типологической схемой книжных названий. В схему укладываются 2 группы заголовков: а) реальных («Кюхля», «Антоний и Клеопатра») и б) условных (символических или обобщенных — «Воля к жизни», «Коварство и любовь»). Внутри этих групп различаются 5 других:

1. *Дезориентирующие (и амбивалентные)*: «Бедная Лиза» (М. Зощенко), «Пышка», «Короли и капуста», «Капитальный ремонт», «Американский рай», «Гадюка», «Анна на шее», «Остров пингвинов» и др.

2. *Общетематические ориентации*: «Далеко от Москвы», «В снегах Килиманджаро», «Детство. Отрочество. Юность», «Война и мир» и др.

3. *Частные ориентации*: «Чапаев», «Чингиз-хан», «Севастополь» и др.

4. *Описательно-оценочные ориентации*: «Утраченные иллюзии», «Незабываемый 1919-й», «Падение Парижа», «Как мужик двух генералов прокормил», «Маленькая хозяйка большого дома» и др.

5. *Алгоритмизированные ориентации (с подзаголовками к главам)*: «Былое и думы», ч. I «Детская и университет (1812—1834). Смерть Александра I и 14 декабря. Нравственное пробуждение. Террорист Бушо. Корчевская кузина» и др.

Семантически (и тематически) следует различать группы *персональных обозначений* («Ромео и Джульетта»), *пространственных обозначений* («Владимирские проселки»), *временных обозначений* («93-й год»), *событийных обозначений* («Разгром», «Смерть Ивана Ильича»), *предметно-тематических* («Аэродром», «Отель», «Колеса») и *символических* («Мертвые страху не имут», «Гол среди волков», «Как закалялась сталь»).

Схему можно проверить, например, на отнесении названий «Остров пингвинов» и «Собор Парижской богородицы». Первое название войдет в группу условно-обобщающих (противопоставленную группе реальных) в подгруппу дезориентирующих и подгруппу предметно-тематических. Второе название — в группу реальных, в подгруппу

пу частных ориентаций, в подгруппу предметно-тематических обозначений. Разумеется, в схеме можно предусмотреть и смешанные подгруппы. Например, для «Весны на Одере» характерно временное и пространственное обозначение, как и для «Города и годы».

Один из основных результатов упомянутого обучающего эксперимента заключается в том, что обученный обращать специальное внимание на название книги с целью построения осознанной и обоснованной гипотезы, следит в процессе чтения за тем, насколько его гипотеза оправдывается, в каком направлении корректируется. Переход от названия к предисловию, учет данных о творчестве писателя и другие данные — все это формирует привычку внимательно следить за развитием содержательной линии повествования, а от «охвата общего смысла» переходить к догадкам частного порядка — на уровне цельных составных текста. Эксперимент показал, что скорость и качество понимания иноязычного текста у студентов, специально подготовленных в указанном выше направлении, существенно выше, чем у студентов, воспринимающих текст «от предложения к предложению» или — тем более — у школьников, читающих «от слова к слову» (школьники сравнивались, разумеется, со школьниками, также подготовленными к чтению «методом гипотез»). Повторяем, что объективные возможности, заложенные в названии, могут реализоваться и не реализоваться (или реализоваться в нежелательном направлении) — в зависимости от тезауруса обучаемых и их общеобразовательной подготовки. Для нас важно сейчас подчеркнуть, что при одном и том же уровне владения языком (т. е. формой) уровень понимания вербального сообщения различен: он зависит от знания вероятностных событийных характеристик представленных в тексте объектов, т. е. от экстралингвистических факторов. Практика рецепции специализированных текстов на иностранном языке студенткой инфака и специалистом по данному профилю приводит к парадоксальному выводу: можно, прекрасно зная язык, не понимать текста, и можно, крайне плохо владея языком, прекрасно уловить содержание текста. Это, конечно, экстремальный случай, но он иллюстрирует общие закономерности: смысл постигается «на фоне» имеющихся содержательных схем с помощью (или без помощи) вербального стимула, дающего направление поиска.

Подведем некоторые итоги сказанному.

1. Процесс рецепции речи характеризуется не пассивным «отражением» («пассивным декодированием»), а — в рамках концепции опережающей афферентации (И. П. Павлов, Н. А. Бернштейн, П. К. Анохин) — активным содержательным поиском, приведением полученной информации в соответствие с имеющимся содержанием (в распоряжении субъекта, воспринимающего сообщение).

2. Понимание текста, таким образом, представляет собой процесс перевода (декодирования) языковой формы в особую внутреннюю информативную систему поэтапно: не от «законченной формы» к «значению», а от «элемента формы» к содержательной интерпретации, к выдвижению гипотезы относительно формы и содержания, к поиску (упреждающему) на уровне формы и содержания, причем не всегда и не обязательно синхронизированному; затем, по мере накопления содержательной информации, через снятие формальной и содержательной избыточности — к конструированию смысла, опирающегося на дальнейшие результаты декодирования формы, т. е. на «смысловые вехи».

3. Понимание сообщения не может принципиально осуществляться во «внутренней свернутой вербализации», во «внутреннем проговаривании», так как такое неоправданное удвоение одной и той же операции (воспроизведение «на входе» того, что было «на выходе») не имело бы смысла.

4. Рецепция речи как мыслительный акт осуществляется в коде такой системы, которая формируется в перцептивном и поведенческом опыте — при активном и непосредственном действии субъекта относительно объективной реальности, значимой для него. Если на дочеловеческом уровне не наблюдается знаковой системы, сопоставимой по разрешающим возможностям с языком, то принцип осмысления действительности (в рамках различных потребностей и возможностей, разумеется) на основе модели объективного мира, конструируемой в психике, прослеживается на ступенях, предшествующих человеку: реальная ситуация или ее образ всегда являются дешифратом знака.

О ПРИНЦИПЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ (вместо заключения)

«...с какой бы стороны ни подходить к вопросу, нигде объект не дан нам во всей целостности... Если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем не связанных между собой явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией...»¹

«Это-то и поразило Бора, это и определило главное направление раздумий всей его жизни — то, что могут существовать два взаимоисключающих подхода к одному и тому же вопросу, которые, однако, в равной степени необходимы»².

Ф. де Соссюр сознательно не захотел «распахивать двери», даже — по его собственным словам — «рискуя не уловить присущей (объекту. — *И. Г.*) двусторонности»³, чтобы «строго отграничить от лингвистики»⁴ намеченный им прозорливо ряд «посторонних» наук. Однако «риск не уловить» оказался слишком дорогой ценой заданного отграничения: языкознание не решилось ее платить, хотя многим языковедам больше подходит некоторая отсрочка.

Принцип дополнительности Нильса Бора, безоговорочно признанный в физике, иногда понимается с позиций некоей «глобальной эстетики мира», «гармонии», которая осознается исследователем в плане «возможности» ее отражения через «два взаимоисключающих подхода». Но и в приведенной выше цитате читаем, что оба они «в равной степени необходимы». Правильнее, на наш взгляд, другое высказывание: «Немногогие люди знают так же хорошо, как он (*Бор. — И. Г.*) силу анализа, но в то же

¹ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Перев. с франц. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977, с. 47.

² Мороз О. В поисках гармонии. М., 1978, с. 124.

³ Соссюр Ф. де. Указ. соч., с. 47.

⁴ Там же.

время он чувствует абсолютную недостаточность любой аналитической процедуры: гармония вещей складывается из взаимодействия явно конфликтующих друг с другом аспектов»⁵. Здесь уже яснее выступает сущность того, что названо «гармонией». Это — не эстетическая идея, а единство противоположностей, которым характеризуется явление материального мира, причем сложность исследуемого, говоря образно, определяется мерой противоречивости, многообразности выражения сущного.

Если обратиться к работам Л. В. Щербы⁶, В. М. Павлова⁷, С. Д. Кацнельсона⁸, Ю. С. Степанова⁹, где рассматриваются принципиальные вопросы языкознания в связи с историей лингвистических теорий в плане решения кардинальных вопросов отношений мышления и языка, формы и содержания, мы увидим — при всей независимости суждений и разделенности их во времени и в контекстуальных условиях — некоторые несомненно общие констатации и оценки, ведущие нас к необходимости признания принципа дополнительности в языкознании.

«Речевая деятельность, — пишет С. Д. Кацнельсон, — не имманентный процесс, замыкающийся в сфере языка»¹⁰, и к этому выводу его приводит анализ работ Л. В. Щербы, Н. Хомского и многих других, — анализ не только общеконцептуальных положений, но конкретных компонентов теории, всех деталей объяснительных составляющих. Так, например, обращаясь к генеративной лингвистике Н. Хомского, С. Д. Кацнельсон нашел едва ли не самое слабое ее место: «...сама идея (Н. Хомского. — И. Г.) „семантической интерпретации“, ставящая семантическую структуру предложения в зависимость от его

⁵ Цит. по кн.: Мороз О. Указ. соч., с. 124 (разрядка моя. — И. Г.).

⁶ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. М., 1931.

⁷ Павлов В. М. Проблема языка и мышления в трудах В. Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании, с. 152—161.

⁸ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. Изд. 4. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.

⁹ Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975; Степанов Ю. С. и Эдельман Д. И. Семиологический принцип описания языка. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976. 1-я книга Ю. С. Степанова переизд. в URSS, 2009.

¹⁰ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 115.

формальной структуры, представляется необоснованной. Скорее, наоборот, формальная структура, как ее вскрывает грамматический анализ, является производной от семантической структуры предложения, своего рода „синтаксической интерпретацией“ глубинной семантической структуры»¹¹. И далее: «...генеративный процесс в целом, скорее, имитирует процесс слушания—понимания, нежели процесс мышления—выражения»¹². Чрезвычайно близки к этим положениям и выводы Ю. С. Степанова: «Опыт развития языкознания последнего десятилетия свидетельствует о том, что подлинные универсалии заключаются в глубинных принципах организации языковых структур, а не в результатах действия этих приципов — не в самих отдельных конкретных чертах языковых структур»¹³. Словами С. Д. Кацнельсона — «поверхностная структура» и есть своего рода «синтаксическая интерпретация» глубинной, универсальной, «типологически (межъязыковой) конгруэнтной» структуры¹⁴. Как мы старались показать, семантический аспект языкового выражения представлен в речевой деятельности невербальными латентными компонентами, участвующими в процессах порождения на этапе «докоммуникативном» и на этапе понимания речевого сообщения. Согласно предлагаемому и для языкознания принципу дополнительности мы обязаны, обращаясь к семантическому аспекту языкового знака, его функционирования и интерпретации, признать необходимым выйти за пределы формы выражения, за пределы означающего.

Опираясь на данные нейрофизиологов В. Пенфильда и Л. Робертса относительно автономности блоков памяти понятий и блока памяти слов, С. Д. Кацнельсон нашел, что «явления омофонии лексических значений и омосемии лексем, широко известные под традиционными именами омонимии, полисемии и синонимии, прямо указывают на относительную автономность семантического и лексического компонентов»¹⁵. Эта относительная авто-

¹¹ Там же, с. 104—105.

¹² Там же; см. также: Горелов И. Н. Проблема глубинных и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. 36, № 2, 1977, с. 165—176.

¹³ Степанов Ю. С. Указ. соч., 1976, с. 204.

¹⁴ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 117.

¹⁵ Там же, с. 115—116.

номность подтверждается также экспериментальным доказательством наличия разных типов (образного и абстрактно-знакового) мышления; важно, однако, отметить следующее положение, к которому приходит С. Д. Кацнельсон: «Как бы сложны и разнообразны ни были способы хранения знаний в нашем уме, в их основе всегда лежат различного рода предметно-содержательные связи»¹⁶. Речь, стало быть, не идет только о возможных вариациях памяти и мышления у разных людей. Речь идет, главным образом, о естественной причине указанной выше относительной автономности планов выражения и содержания, о работающем механизме речи, в котором реально выявляется противоречивость, двусторонность объекта, наделенного качествами как вербальности, так и невербальности. Полное описание такого объекта невозможно без применения принципа дополнительности.

«Когда семиология сложится как наука, — писал Ф. де Соссюр, — она должна будет поставить вопрос, относятся ли к ее компетенции способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере „естественных“, как, например, пантомима»¹⁷. И далее: «Но даже если семиология включает их в число своих объектов, все же главным предметом ее рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знака»¹⁸. Развитие семиотики (или семиологии — как предпочитал писать и говорить Ф. де Соссюр) показало, что невозможно обойтись без «естественных» знаковых систем, без рассмотрения мотивированных (в разных планах и в разной степени) средств общения — не только потому, что они продолжают активно жить и развиваться (наряду и вместе с системами «произвольных» знаков), но и потому, что статическое описание речевой деятельности невозможно, описание языка в статике неполноценно, а в процессе речи и в генезисе языка как такового естественные (включая невербальные) системы общения играли и играют, несомненно, весьма важную роль. По существу, семиотика, благодаря зоопсихологии и антропологии, рождает или уже родила эволюционный аспект в своих недрах. Знако-

¹⁶ См. наши работы, ранее указанные в тексте.

¹⁷ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 111—112. (Разрядка моя. — И. Г.); см. также: Павлов В. М. Указ. соч., с. 158.

¹⁸ Соссюр Ф. де. Указ. соч., с. 101.

вые системы мы обязаны рассматривать в широком «диапазоне знаковости» (по Ю. С. Степанову), где гораздо плодотворнее не деление на «знак/не знак», а установление иерархии знаков по степени выявленной сущности «знаковости» и по соотношению с рядом условий знаковых ситуаций. И в семиологическом плане, как видим, принцип дополнительности обещает свои перспективы. В связи с проблемой эволюции знаковой деятельности имеет смысл с точки зрения принципа дополнительности пересмотреть отношение и к вопросу о происхождении языка: нет никаких причин отказывать всем известным (кроме мифологической, разумеется) гипотезам о происхождении языков в правомерности, в теоретической допустимости. Но наиболее вероятный (достоверный) результат мы получим в том случае, если примем все известные гипотезы в комплексе, сопоставив умозрительные предположения с наблюдениями за развитием речи в онтогенезе; здесь выражены все компоненты, без всякого исключения, соотносимые именно со всеми гипотезами — будь то «теория жестов», «трудовых выкриков», «междометная теория» или «теория звукоподражаний». Эти теории явно находятся в отношениях дополнительности друг к другу. Невербальные компоненты собственно коммуникативной деятельности на участке передачи сообщения проявляют себя как рудименты древнейшего способа общения, что еще раз убеждает нас в необходимости рассмотрения как синхронического, так и диахронического аспектов речевой деятельности — согласно принципу дополнительности.